

M. B. Миникс

ДВОРОВЫЕ КОМПАНИИ
ДОМА У КРАСНЫХ ВОРОТ

2012

*Эту книжку набрал, оформил и
подготовил к печати мой внук
Игорь под наблюдением своего от-
ца Миникса В. М.*

Предисловие

Совет ветеранов микрорайона, куда входит дом 2/6 по Хоромному тупику – Дом у Красных ворот, под руководством Т. В. Меньшиковой, которая продолжает дело своего отца, ведет подготовку к выпуску памятного альбома, посвященного истории и людям этого дома.

Старший по Дому Меньшиков В. А. и его гвардия из «первопоселенцев».

Предполагается, по-возможности, собрать и в систематизированном виде представить фактические данные и фотографии, в первую очередь относящиеся к «первопоселенцам» и семьям, въехавшим в дом в тридцатых-сороковых годах прошлого века.

Фотографии, представленные здесь, хорошо бы дополнить видом площади с «живыми» Красными воротами, а может быть и другими.

Вводный раздел, кроме статьи авторов-составителей Т. В. Меньшиковой и К. Д. Варзар, мне кажется, хорошо бы дополнить отрывками об истории Дома из воспоминаний ветеранов (см. Приложения).

Если удастся добраться до архивных документов – старых домовых книг, будет дан полный поквартирный список «первопоселенцев» и «второпоселенцев» (30-е, 40-е годы).

Совет ветеранов провел большую работу по формированию, проверке и систематизации списков репрессированных жильцов Дома, в первую очередь в 1937 – 1939 гг., и реабилитированных (часто – посмертно) в 1956 г. «за отсутствием состава преступления». Соответствующие списки будут опубликованы в Альбоме.

Этот Совет долгие годы занят благородным делом – помогает ветеранам Великой Отечественной войны, рассказывает о них, отмечает с ними торжественные события и памятные даты, что, конечно же, тоже будет отражено в Альбоме. Особая страница будет посвящена погившим на этой войне. Не будут забыты и герои тыла.

Хорошо было бы по самостоятельной странице посвятить жильцам – семьям каждой из 97 квартир Дома. Но, к сожалению, через столько десятилетий раздобыть исчерпывающие данные, а особенно фото, невозможно. Поэтому придется опубликовать только то, что удастся собрать.

Ниже для примера в алфавитном порядке приведены данные* о шести семьях: Варзаров, Кузнецовых, Меньшиковых, Миников, Моргуновых и Плоткиных.

*В Альбоме такие композиции будут размером 20 на 30 см.

Один из первопоселенцев Дома Варзар Дмитрий Васильевич преподавал математику в специальной школе при КГБ. Репрессирован в 1934 году. Расстрелян в 1937 году. Реабилитирован в 1956 году «за отсутствием состава преступления».

Ксения и Сева
Варзар. 1934 г.

Наша мама – Варзар
Евдокия Ивановна.
Статистик. 1940 г.

Наш папа – Варзар
Дмитрий Васильевич
с сыном. 1925 г.

Всеволод (Сева) и
Ксения Варзар.
1982 г.

Сева. Инженер-артиллерист. Конец 50-х годов.

Евдокия Ивановна ведет занятия
Ликбеза.

Ксения. Инженер-геолог
ГлавАПУ. Конец, 50-х
годов.

Сева охотник.

Юбилей Ксении.

Сева рыболов.

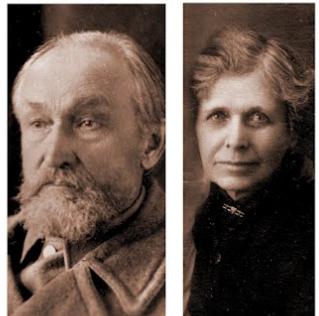
На войне: от начала до конца.

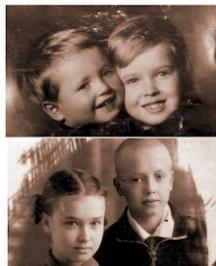
*Наши родители - первопоселенцы дома у Красных ворот:
Дмитрий Афанасьевич - профессор, проректор МХТИ им. Менделеева,
орденоносец;
Мария Леоновна - канд. хим. наук, преподаватель того же института.*

*Наши дедушка и
бабушка со стороны
отца - из крестьян.*

*Дедушка и бабушка со стороны
мамы - главврач и медсестра
психиатрической больницы.*

*Мы со старшей сестрой. Сестра - Галина Дмитриевна - профессор, докт. биол. наук.
Ее муж - Владимир Максимович - канд. физ-мат наук. Их сыновья: Саша - канд. техн. наук
и Максим - канд. физ-мат наук.*

*Моя жена - Нина Петровна - канд. хим. наук, ведущий научн. сотрудник ИОНХ РАН, орденоносец,
и я - Кузнецов Леон Дмитриевич - канд. техн. наук, зав. лабораторией ГИАП. Ниже: мы с сыном
Сергеем - канд. хим. наук. Рядом: мы с сыном, внуком Димой - канд. экон. наук - и правнуком Володей.
И наконец - начало нового: наши внук и правнуки - Володя и Юра.*

Наша мама – Меньшикова (Андреева) Зинаида Борисовна 1905г.р. Счетный работник планового управления НКПС.

Родители на отдыхе в Кисловодске.

Наш папа – Меньшиков Василий Алексеевич 1891г.р., выпускник Тимирязевской академии. Главный агроном ОРС Наркомата водного транспорта.

Мы, Таня и Лева, остриженные перед лагерем в 1937г.

Наш папа до 95 лет бессменно возглавлял Совет дома у Красных ворот.

Мы с подругой на все времена Ксенией Варзар в 1938г.

По сторонам – мы с братом в 1953г. Посередине Лева с двумя дочерьми Еленой и Ларисой. Рядом с нашей мамой племянница Светлана, дочка Таня (т.е. я) и невестка Ирина.

Отец мой, Миникс Владимир Евсеевич, 1888 г.р., с 12 лет «в людях», с ранней юности – в рабочем движении. Прошел тюрьмы, ссылку, эмиграцию, всю Империалистическую. Кавалер Георгиевских крестов, медалей. Был многократно ранен. В партию вступил в 1918 г. Делал Революцию на юге России. Воевал на Гражданской. Избирался в местные Советы и Комитеты. Редактировал большевистскую газету. В марте 1921 г. ЦК ВКП(б) был направлен на работу в Наркоминдел, где занимал должности: уполномоченный НКИД, зав. отделением и подотделом экономико-правового отдела и т.д.

Память об Империалистической

Память о Наркоминделе

Моя мама, Фрида Абрамовна, 1896 г.р., - красавица, гордый, светлый, стойкий, добрый, мудрый человек - при папе не работала, затем была на случайных работах и на пенсии за погибшего сына. Брат, Абрам, 1924 г.р., из института добровольцем ушел в армию.

С начала 1943 г. - на передовой. Был трижды ранен, один раз - тяжело. Погиб в 1945 г.

Середина двадцатых

Конец тридцатых

1934 г., 1940 г., 1944 г.

Шестидесятие - семидесятие

Я, Марк Владимирович, 1933 г.р., около 40 лет проработал в НИУИФе и издательстве «Химия», жена, Ида Михайловна, 1937 г.р. – в системе соцзащиты, сын и его жена – классные программисты, внуки – стремятся к этому.

Свадебная и через 50 лет

Таня и Володя Миниксы
1987 г.

Таня с Игорем и Олей
2003 г.

Иван Семенович Моргунов практически создал и возглавил центральный и периферийные аппараты и контрольные органы финансовых подразделений («Финчасти») Наркоминдела. Ушел из жизни совсем молодым, задолго до сорокалетия. Его жена, Анна Ивановна, была хозяйствкой дома и замечательной матерью Татьяны и Бориса.

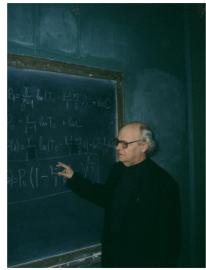
Татьяна Ивановна более сорока лет проработала в Минфине, заведовала отделом, научила работать очень многих, даже одного будущего Министра финансов.

Анна Ивановна, Таня и Иван
Семенович Моргуновы

Борис Иванович и Светлана Сергеевна
Моргуновы

Очередная лекция

Герб империи БИМ, врученный Б. И. Моргунову на сорокалетие Миниксами, отражает многие направления его интересов: математические описания процессов, программирование, радиофизика и радиолюбительство, музыка, театр, вкусная бутылка, шахматы, умные карты, посильный спорт, нумизматика и филателия (девиз в переводе с латыни – «первый среди равных»).

Не отражены: любовь к литературе, вообще – к книге, изобразительному искусству, к лесу, кофе и хорошей закуске, а также собирание грибов, склеивание пароходов-самолетов, легкое забавное стихоплетение и многое другое.

Борис Иванович Моргунов, профессор, доктор, талантливый ученый и педагог, автор монографий, четырнадцати учебных пособий и более 120 статей, подготовил ряд кандидатов и докторов наук; около 40 лет занимался разработкой математических моделей весьма широкого круга физических явлений и процессов; плодотворно работал во многих Советах и Комитетах; выступал на отечественных и международных конференциях, конгрессах и симпозиумах; в последние годы был заместителем декана факультета Со Светланой Сергеевной – верным, любимым и любящим другом – у Бориса Ивановича было двое детей: талантливый врач-энтузиаст Миша и способный дизайнер Ира.

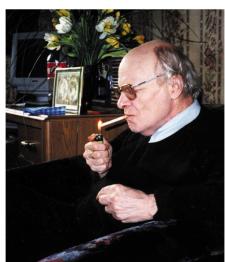
Последнее лето
на даче

На юбилее у друга

На даче у Иры (сидит у окна)

На дне рождения
дочери

Марк Абрамович
Плоткин (1895-1941 гг.)
Арестован в 1939 г.
Реабилитирован в 1956 г.

Коллектив правового отдела Наркоминдела на отдыхе
(М. А. Плоткин – зам. зав. отделом, член партии
с 1917 г. – 4-й слева во втором ряду).

Жена М.А. Плоткина
Кульчицкая Надежда
Михайловна
(1902-1989 гг.)

Михаил Маркович Плоткин и его жена Лена Михайловна
Касьянова (оба 1935 г.р.), выпускники Педагогического и
Пищевого институтов соответственно.

С дочкой Машей.

М. М. Плоткин – зам. директора
Института социальной педагогики
Российской Академии образования,
руководитель Центра
профессионального образования,
доктор педагогических наук, профессор.

Бабушка
с внучкой
Сашенькой
Никоненко.

Дочь М. М. Плоткина и Л. М. Касьяновой Мария Михайловна (1961 г.р.) с мужем Владимиrom
Николаевичем Никоненко (1963 г.р.) и дочкой Сашенкой (1988 г.р.), выпускницей Государственной
юридической Академии им. О. Е. Кутафина.

ДВОРОВЫЕ КОМПАНИИ*

Мне поручили написать о дворовых компаниях, что я и постараюсь сделать с учетом «собирательных» свойств нашего Дома за период с тридцатых до шестидесятых годов. Аналог этого книжного варианта, естественно, будет в Альбоме.

Нельзя не сказать, что среди первопоселенцев нашего дома было очень много замечательных людей, начиная с Народного Комиссара иностранных дел М. М. Литвинова, его заместителей, руководителей подразделений, Послов того времени: Дивильковский И. А., Карский М.А., Майский И.М., Рубинин Е.В., Уманский К.А.

Сейчас, через 80 с лишним лет после заселения нашего дома, трудно сказать насколько были дружны между собой первопоселенцы, были ли дворовые компании у их старших детей (до 1920 года рождения)**, привлекались ли в эти компании ребята из других домов, что было характерно для последующих поколений, когда компании формировались из ребят окрестных дворов, как правило, в возрастном диапазоне 2-3 года с вкраплениями до 5 лет.

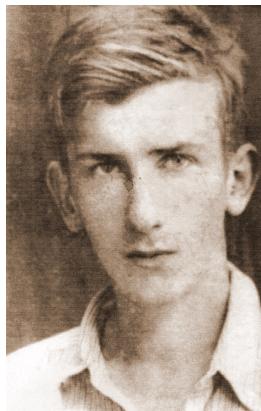
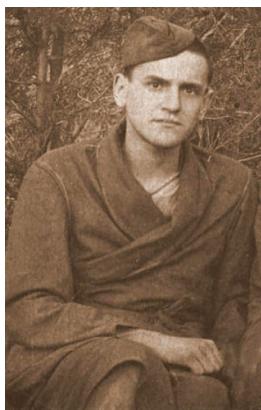
Собирательная особенность нашего двора наметилась еще до Войны, у ребят около 1924 года рождения, в основном выпускников школ 1941 года. К ним относятся участники ВОВ: Багун Юра, Варзар Сева, Дивильковский Юра, Клейн Наташа, Короткин Жора, Кунина Ляля, Миникс Аба.

*Многие данные и фотографии предоставлены мне Т. В. Меньшиковой. Ей же благодарен за добрые советы.

**Среди них, например: Клейн Н., Куний В., Моргунова Т., Рабинович Э., Рубинин П.

Выпускники 10Б класса. 1941 год.

Аба Миникс и Юра Давильковский погибли на войне

Отец и сын Короткины. Воевали на разных фронтах. Переписывались. Жора погиб. Отец выжил.

Сева Варзар прошел всю войну, Жора Короткин – погиб.

*К ребятам нашего двора
Пришла не лучшая пора.*

*Груз годов ведь с плеч не скинешь,
И, куда не поглядишь,
Всюду виден, вроде, финиш,
И осталось, вроде, шииш!*

*Только нам, знать, срок не вышел,
Только порох, видно, есть,
Коли вновь мы, братцы, здесь,
Коль мы снова тут, под крышей
Дома номер два дробь шесть.*

*Откуда шли, шпана дворовая,
Когда пришла пора суровая
Расстаться, шумно толпой
В жизнЬ, как на праздник –
пей да пой! –
Ушли веселую гурьбой.
Да каждый со своей судьбой.*

*Пошли, в цепочку растянувшись,
Один, едва начав, споткнувшись,
Далече не успел уйти
По незавидному пути;
Другой, гляди, взлетел высоко,
А третий ускакал далеко...*

*А мир для всех куда как шире;
В иных домах на нашей жизни
ткань:*

*To – шелк с парчой, то – просто
дрянь!
To планов дерзких громадье,
To только старое тряпье.*

*Но жизнЬ – от Бога и надолго.
И не забыть бы, братцы, долга
За нами – тем, кто нас родил,
Да тем, кто раньше уходил.
Но не в прекрасную страну,
А на проклятую войну.*

*Утащила злая баба,
Уложила в поле сдуру
Твоего братишку Абу,
Моего брата Юру,
Сколько было их – не счесть!
Всех помянем благородно,
Отдадим посмертно честь!*

*С непокрытой головою,
То ли лысой, то ль седою,
Постоим да помолчим.
А потом уж прокричим
Из последних сил, что есть,
Славу дому два дробь шесть!*

Особенно ярко эта тенденция проявилась в послевоенные годы, например, у ребят 1930 года рождения: Бирюкова Л. (впоследствии закончила МАИ, работала конструктором), Варзар К. (инженер-геолог ГлавАПУ Москвы), Гриневский О. (МГИМО, дипломат), Медников М., Меньшикова Т. (МИИТ, экономист МПС) – 1-й подъезд; Андреев В. («Щепка», народный артист СССР), Карпухина З. (МИФИ, физик), Петров И. (МИЭИИО, экономист) – 2-й подъезд; Гюнтер М., Дивильковский С. (МГИМО, дипломат), Кузнецов Л. (МХТИ, зав. лаб. ГИАП) – 3-й подъезд; Каменская И. (МГУ, журналист, переводчик) – 4-й подъезд; Куроптев Р. (МГИМО, журналист) – 5-й подъезд; Пивень А. (Плехановка, товаровед) – 6-й подъезд; Прейс В. и Штернберг А. (медвузы, врачи) – 7-й подъезд. Их друзьями из соседних дворов были Голубев В. (военный), Епишкин В. (Торфяной ин-т, инженер-механик), Зайцева Т. (Плехановка, Госплан РСФСР), Литвинов В. (Акад. им. Куйбышева, полковник, строитель), Стояновский М., Улитин Ю., Фролова Л. (архитектор), Фролов Н. (инженер) и др.

Это уникальное содружество близких по духу людей, которые более или менее часто, но с удовольствием продолжают собираться большими группами уже более 65 лет! Причем на фотографиях 2006–2011 гг. они еще более жизнерадостны, еще больше нравятся друг другу, чем на фото 1946 г. А ведь еще есть фото 1937 г.– в детсаде встретились ребята двух будущих компаний Дома: «Союза соединенных дворов» и «Сумасшедшего дома».

Детский сад нашего дома (1936 или 1937 год). Нижний ряд: руководительница и ее дочь, Таня Меньшикова, Таня Сиротина, примкнувшая девочка, Ксения Варзар, Ира Ильинская; верхний ряд: Марик Миникс, Лева Меньшиков, Юра Райский, Олег Гриневский, два примкнувших парня, Ира Каменская, директор детсада.

*Володя Литвинов, Игорь Петров, Сергей Дивильковский.
Около 1950г.*

Таня Меньшикова и Ира Каменская

«Старшие ребята» (1946 год). Нижний ряд: Зоя Карпухина, Люция Фролова, Ксения Варзар, Гаяля Давыдова, Неля Тарасова, Алла Пивень; средний ряд: Светлана Факторович, Игорь Петров, Коля Фролов, Шурик Штернберг, Леон Кузнецов, Ира Каменская; верхний ряд: Миша Медников, Боря Коваль, Лиля Бирюкова, Олег Гриневский, Сергей Дивильковский.

На 50-летии Т. В. Меньшиковой. Сидят: Лев Меньшиков, Ксения Варзар, Зоя Карпухина (Литвинова), Игорь Петров, Татьяна Меньшикова, Лиля Буженова, Алла Пивень. Стоят: Н., Борис Шипилов (муж Аллы), Борис Коваль, Люся Осипова, Галя Прейс, Витя Прейс, Володя Литвинов, Шурик Штернберг.

Шурик Штернберг, Лиля Бирюкова и Витя Прейс в 1996 г.

Зоя Карпухина (Литвинова) и Витя Прейс.

В связи с отъездом Шурика и Лили.

Сиреневый туман
Опять благоухает,
И годы-облака
Плыут за горизонт.

А жизнь летит вперед,
Она не понимает,
Что ты уже не та,
И я уже не тот.

*Как много лет назад
Мы были молодыми
И создавали свой
Счастливый детский мир.*

*Писали «Вундеркинд»,
немного воровали,
Неслись за табаком
В общественный сортир.*

*Курили мы во ВШАх,
На крышах загорали,
К Татьяне на балкон
Валились как десант.*

*По штанге на руках
Взирались к Бирюковой
И Люции втроем
Развязывали бант.*

*И дружно всей семьей
Потискивали нежно
Но чьи? Когда? И как?
– Общественный секрет.*

*На все, что сверх того, –
Почти что добровольно
Мы наложили свой
Монашеский запрет.*

*Как было хорошо!
Как искренне дружили!
Как пели во дворе,
Пугая старый дом!*

*Всё было впереди:
Семья, работа, годы...
Но всё это уже
Случилося потом.*

*Конечно, не вернешь –
Что было, то ушло,
Но молодость свою
Нам не забыть вовек.*

*Ведь именно тогда
Мы родились вторично,
Как братский и родной
Единый Человек!*

*Уже кого-то нет,
И кто-то уезжает,
И в XXI-ый век
Придут не все из нас.*

*Но молодость была,
Она не умирает,
До гробовой доски
Сопровождая нас!*

2004 г. Борис Коваль, Игорь Петров, Люция Фролова, Тамара Зайцева, Татьяна Меньшикова, Леон Кузнецов.

2006г. Олег Гриневский, Борис Коваль, Леон Кузнецов, Тамара Зайцева, Люция Фролова, Татьяна Меньшикова, Игорь Петров, Ксения Варзар.

Борис Коваль, Олег Гриневский, Тамара Зайцева, Наталия N, Леон Кузнецов, Зоя Литвицова (Карпухина), Татьяна Меньшикова накануне всеобщего 80-летия.

Всеобщее восьмидесятилетие

Ксения Варзар, Олег Гриневский, Татьяна Меньшикова.

Олег Гриневский, Игорь Петров, Татьяна Меньшикова, Ксения Варзар.

Юбилей Ксении.

В возрастной категории ребят нашего двора 1933-1938 годов рождения у Александровской О., Бездетского (Шейнина) О., Досика В., Меньшикова Л., Месежникова Л., Миникса М., Моргунова Б., Пастухова В., Певзнер Э., Платоновой И., Плоткина М., Райского Ю. также было много «приходящих» друзей: Дмитренко Е., Епишин Ю., Зайчик Ю., Куняева О., Мюллер Г., Панова О., Цимберов Ю., Штарх А. и другие.

Эти компании имели и общих участников (как «Мир искусств» и «Бубновый валет»), например Алла Пивень и Ира Ильинская. То же бывало и у «младших», так: Элла Певзнер входила и в СД, и в компанию представленную на фото четырех.

Из моей книжки «О людях дома у Красных ворот» 2010 года. О своих сверстниках я старался писать в свободном стиле, о себе – с подобающей случаю иронией.

Из «Старших ребят» (около 1930 года рождения) нашего двора, вернее, «Союза соединенных дворов» (ССД), постоянные отношения поддерживаю только с Л. Д. Кузнецовым. Встречаемся и созваниваемся мы, правда, редко, но всегда с удовольствием. Он относится к блистательному созвездию личностей, которые «вышли из шинели» ССД. Но о каждом из них напишет, видимо, кто-то из сверстников. Помню, правда, многих и многое, в частности, что они издавали журнал «Вундеркинд» (см. Приложение I), были у них и свои денежные знаки (Лондры, Пижмы). В общем – развлекались.

Нам – нашему поколению (около 1933 года рождения) тоже хотелось развлекаться*, и мы организовали «Сумасшедший дом» (СД). Возглавляли его умнейшая и достойнейшая Лёлька Александровская и ее супруг по СД, достойнейший и умнейший Юрка Райский. Каждый из них имел у нас высочайший титул «Почетный псих»; а еще были «Психи первой гильдии», «Члены-корреспонденты СД», просто «Психи» и «Примкнувшие». В одном экземпляре даже был выполнен «Орден почетного члена СД». Это безобразие началось в сорок восьмом, а в пятьдесят третьем, когда Психи разбежались по институтам, практически все собрались, чтобы отметить юбилей СД.

У меня как раз оказалось полно свободного времени, поскольку месяца три «провалялся» с сердцем. Поэтому в честь юбилея я сотворил нечто грандиозное: «Гротескную фурнитурию в двадцати четырех Бредах с Прологом и Апофеозом», в которой упоминался почти каждый Псих из СД. Эпиграф был взят из Ю.Д. Райского – «Лучше переспать, чем недоесть». Пролог начинался достаточно скромно, но с чувством собственного достоинства:

*Ничто ни в чем полней не может отразиться,
Чем что-нибудь в стихах моих.*

*Из этого поколения вышло немало замечательных людей. Да и в то время среди Психов были 3 секретаря комсомола и председатель совета дружины разных школ, толковые, многим интересующиеся и многое умеющие ребята.

Герда М., Леля А., Юра Р., Инна П., Марк М.,
Аня Ш., Лида К., Оля Н., Юлий З.

Кроме упомянутых: девица – не из Психов, Рита Г. и Лева М.

Кроме упомянутых: Володя Л., Элла П., две девицы – не из Психов и
Дима Н.

Лёля Александровская и Юра Райский -
шефы нашего Сумасшедшего дома

Мы с Лёвой
Меньшиковым

Мы с Аней Штарх за чтением Фурнитурии

Ю. Коваль и Ю. Ким

*И вот пишу о славном Юбилее,
Чтоб свой навек прославить стих,
И чтоб оставить у потомков
Священой память о Союзе нашем,
Которого и не было, и нет,
И быть не может
В мире краше!*

Кончалось же совсем пафосно:

*Наши славный Сумасшедший дом
И чувств и чаяний священная обитель!*

Один из Бредов озаглавлен так: «Взгляд на доморощенного идиота с точки зрения высокого полета». Бред, посвященный внутридомному бракосочетанию Психов, включал лозунги-речевки:

*Псих, не будь трусом,
Не пяться, как рак,
Знай, основы вселенной –
Семья и брак.*

и «Увековечим юбилей повальной женатостью».

В Фурнитурии указано, что единственный лирико-сентimentальный Бред «написан по просьбе* одного, весьма достойного психа». Имелся в виду Лёвка Меньшиков (Лёвка –

*Просьбы не было, ее поэтически придумал я; фактически же события изложены вполне правдоподобно.

уже в школьные годы одаренный радиофизик, вдохновитель, организатор и исполнитель чуть ли не первого школьного радиоузла; Лёлька – см. выше; Женя – ее сокурсница по Университету, жила в общежитии МГУ на Ленинских горах):

ЖЕНЕ

*Однажды, встретившись с тобой у Лёльки,
Я понял сразу – Ты моя судьба...
С тех пор преследует меня Твой образ,
В душе моей смятенье и борьба...*

*Я вспоминаю ночь, когда с Тобою
Впервые вышли Мы на улицы Москвы.
Была Ты рядом (!), и с восторженной душою
Я шел, пытаясь замедлять шаги...*

*Пусть на метро потом я не попал
И через город весь прошел пешком,
Пусть я чертовски в эту ночь устал,
Но эта ночь осталась лучшим днем!*

Кончался этот Бред весьма оптимистично и бравурно:

*Психоз – явление для нас нормальное,
А психом стал я от любви!
Друзья мои, проблема сексуальная
Рождает страсть, порыв, кипение крови!!*

Еще были краткие анонимные посвящения, например, Лёльке: «Безумие с умом нелегкая задача в общении с друзьями сочетать» и себе: «Желая первым быть, он вечно отстает».

Юрочка Коваль не был Психом, не входил в СД по молодости лет, но любили его все, как и в зрелые годы, когда он стал большим Литератором. Замечательная «Ковалиная книга» тому подтверждение. А в те времена он всерьез занимался многими важными делами: игрой на гитаре, походами и охотой, живописно-скulptурным творчеством, но только не литературой, правда, в теплой записке в больницу он обещал посвятить мне свой первый опубликованный рассказ (следующий абзац – новый).

В ней, в частности, говорилось: «.... не нужно нам громких слов и слав...» Так он и прожил всю жизнь: без пустопафосных громогласных изречений и заявлений, без официальной трескучей славы. Но зато в ответ на свое уникальное человеческое обаяние и профессионализм он был со всех сторон окружен глубоким уважением, признательностью, любовью близких людей, друзей, сотоварищей по литературному и художественному творчеству, учеников, просто знакомых (и интеллигентов-интеллектуалов, и простых селян; и пожилых людей и детей), поклонников и поклонниц его разносторонних талантов.

А в то время он писал талантливые Пародии – сами по себе (а-ля Козьма Прутков). Примеры пишу по памяти, так что точность не гарантирована:

*Один Барклай де Толли гулял по Петрограду.
О Бородинском поле он сочинял балладу.
Э-ге-ге, тра-ля-ля Бородинское поле
Тут рука и нога погуляли на воле.*

А кончалось так:

*Э-ге-ге, тра-ля-ля победили французов:
Я, где Толли Барклай и Михайло Кутузов.*

Еще покрепче:

*Раз я по полю катался
На власенеде небольшом.
Но власенед под мной сломался,
И я упал о чисто поле лбом.*

Кончалась эта история примерно так:

*И соловей над мною распинался,
И вынул из ноги власенедный ключ.*

По-моему, в эпической драме «Канделябры мои канделябры» есть такие незабываемые строки:

*Казалась лилией твоя рябая морда.
Звукал в душе моей рояль-металлолом.*

Но вершиной этого этапа его творчества стала строфа из какого-то очень значительного произведения:

*Вышел на поляну Дядиванин гусь...
Я сижу на крыше – хороша ты, Русь!*

Сегодня эти милые «суразности» вспоминать и приятно, и грустно, поскольку Юрия Иосифовича Коваля уже нет с нами.

Из моей книжки «Мои люди». О Б. И. Моргунове, Е. М. Дмитренко, Ю. А. Цимберове.

В первой книжке был дан парадный портрет Б. И. Моргунова. Здесь речь пойдет о домашнем Борисе Ивановиче – Боре Моргунове. Я и не пытался дотянуться до него по интеллекту, эрудиции, потенциалу, но мы всегда были, до смешного, принципиальными, непримиримыми соперниками в любых играхах: в шахматы, в бильярд, в домино, в карты, в мячик (цель – попасть мячиком последовательно во все промежутки между ступеньками лестницы, приставленной к дачному дому). На старости лет мы старались «играть вничью», чтобы не огорчать друг друга. С другой стороны, мы очень часто по самым разнообразным вопросам, по оценкам событий, явлений, произведений искусства, даже людей, были настроены на общую волну, или находили интересные компромиссы. Были, конечно, и исключения.

Как всякий блестящий ум, он порой был неудовлетворен собой. К окружающему миру, видя его несовершенство, он относился снисходительно. Всегда весьма активный в делах (написание книг, статей, подготовка к лекциям, работа с

аспирантами), он был весьма инерционен в быту. Зная очень многое о театре, музыке, живописи, он долгие годы ограничивался прослушиванием и просмотром записей.

Продолжительные прогулки по лесу, пока позволяли ноги, он очень любил. Видимо, такие прогулки снимали стрессы, накопившуюся усталость, моральное напряжение. В лес, вообще на даче, он надевал самые простые, привычные, часто совсем не новые, но очень удобные ему вещи. Поэтому утром, когда он собирался на лекции и брился, надевал костюм и рубашку с галстуком, контраст выглядел разительно, поскольку из дома выходил не расслабленный отдыхающий «Боренька, серенький», а собранный, даже сконцентрированный, уже озабоченный делами предстоящего дня профессор Б. И. Моргунов.

Был он по натуре человеком сосредоточенным, при всей своей общительности – порой даже замкнутым и грустным, но через минуту, обладая молниеносной реакцией, мог быть блестяще остроумен. Только один пример из множества.

Мы остались ночевать на даче. Под утро, часа в четыре, у меня случилась судорога, и я, видимо, достаточно громко закряхтел. Б. И. открыл глаза, изрек:

*И только солнце рассвело,
Как ногу Миниксу свело*

и заснул. Вообще чувство ритма: поэтического, музикального, было характерно для него и часто проявлялось самым неожиданным образом.

Еще несколько примеров его стихоизвержений. «Мама Светочка» опрометчиво положила коробку с десятком яиц на кресло, кто-то на них сел, по-моему, сам Б. И., который тут же запел на знакомый всем мотив:

*Я раздавил коробку с яйцами,
Яйцами, яйцами...*

Кто-то из нас поймал от знакомой кошки лишай... и заразил Бориса, который тут же сочинил:

*Лишайми покрыто все тело,
Больно голову, ноги и грудь.
Это Миниксов подлое дело,
В морду дать ты им, друг, не забудь.*

Лежит на диване, пишет статью (нормальное дело, в порядке вещей). Видимо, что-то не ладится. Вдруг раздается душераздирающий вопль (на «позывной» мотив из пятой Бетховена):

*Ходит муха по стене,
Хлопнем муху по спине...*

Теперь примеры более капитальных творений. Первую свою вышедшую статью он подписал мне так:

*Тот первый блин,
Который комом,
Дарю друзьям я
И знакомым.*

А первую монографию так:

Рад доложить я Марюленьке - Марку:
Труд капитальный
Пошел не наスマрку.
В общем, я выдержал нужную марку,
Жаль, что найдешь ты, однако, помарку.*

О Борисе Ивановиче можно говорить бесконечно.

Женя Дмитренко и Юра Цимберов были первыми – с младших классов, самыми верными друзьями Бори Моргунова. Юра обладал огромным обаянием. Трудно себе представить человека более искрометного и добросердечного. К сожалению, он рано ушел из жизни.

*Так меня звала в детстве мама. Ирушка Моргунова, узнав об этом, стала называть меня «Малюленькой».

С Женей и его женой Ларой мы сблизились еще при Боре. А его уход особенно сплотил нас. Евгений Михайлович Дмитренко – талантливый математик, выпускник механико-математического факультета МГУ, уже с юношеских лет был вполне сформировавшимся человеком, самостоятельно мыслящим, трезво оценивающим жизненные обстоятельства, твердо стоящим на ногах, придерживающимся вполне определенных взглядов. Борис Иванович очень высоко оценивал его творческий потенциал.

Он рано полюбил музыку и, особенно, живопись. Был знаком со многими молодыми талантливыми художниками. Со временем начал приобретать их картины, которые теперь стали классикой. Больших денег у него не было, но интересную коллекцию он собрал.

Сейчас у него огромное собрание записей музыкальной классики всех времен, направлений, стилей и форм. Свободных стен нет: масса книг, самых различных, в основном – классика.

У него очень хорошие, совершенно самостоятельные, отношения с моим сыном; эта эстафета перешла от Бориса Ивановича.

Мы сравнительно часто встречаемся, всегда – с удовольствием. Я часто бываю тронут его вниманием и теплотой. Недавно мы с женой и сыном были на его семидесяти-пятилетии. Были и Моргуновы – Светлана Сергеевна и Ира.

Ниже представлены компании ребят нашего двора середины тридцатых и середины сороковых годов рождения.

NN, Галя Пантина,
Катя Каплун, Элла
Певзнер. 1948 г.

Так наш фонтан выглядит сегодня

Стоят: Галя Пантина, Галя Давыдова, Галя Столляревская;
сидят: NN, Владик Каплун, NN,
Боря Пенько, Володя Пастухов.
Начало 50-х.

Сегодняшние ветераны (80 ± 5 лет) хорошо помнят, что никакого «духа Рублевки» в нашем дворе никогда не было. Важны были не должность и достаток родителей, а твоя собственная сила, ловкость, голова, твои увлечения, умения.

Потом пришла пора зрелости, профессионализма, мудрости; постепенно мы стали «хозяевами жизни». А вокруг бушевал ХХ век, появлялись и требовали своего все новые и новые поколения, и, наконец, грянул ХХI век. В результате «все изменилось до полной неузнаваемости» (Рей Бредбери).

А молодежь? Она не хуже и не лучше, чем в наши времена. Она другая.

VIP

Ниже в алфавитном порядке приведены примеры выдающихся людей, выросших в нашем дворе. Подчеркиваем – это только примеры. Замечательных людей среди жильцов нашего дома, разумеется, гораздо больше*.

B. A. АНДРЕЕВ. Народный артист СССР, Художественный руководитель Театра им. Ермоловой, ранее – Малого театра, профессор.

O. A. ГРИНЕВСКИЙ. Член коллегии МИД, Чрезвычайны и полномочный посол СССР и России, руководитель и участник ряда делегаций страны на международных переговорах, профессор. Автор восьми книг, изданных в России, Швеции, Германии, соавтор двух книг, выпущенных в США. Книга «Перелом. От Брежнева к Горбачеву» вышла в 2004 г. (ОЛМА-ПРЕСС).

*Например, семья первопоселенцев Займовских: дед, профессор-лингвист, работал на семи языках, сын – физик, действительный член АН СССР, внук – талантливый инженер.

Для всех, кроме С. И. Дивильковского, указаны должности, которые они занимали в различные годы.

С. И. ДИВИЛЬКОВСКИЙ. Окончил МГИМО и Дипломатическую академию. Советник МИД РФ 1-го класса. Орденоносец.

1967–1970 гг. Советник Посольства СССР в Демократической республике Вьетнам (связь с Южным Вьетнамом);

1970–1980 гг. Референт международного отдела ЦК КПСС (сектор Вьетнама);

1980–1982 гг. Советник Представительства СССР при ООН в Нью-Йорке;

1982–1985 гг. Советник Посольства СССР в Вашингтоне;

1986–1989 гг. консультант международного отдела ЦК КПСС.

Б. И. КОВАЛЬ. Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, профессор, доктор исторических наук, действительный член РАЕН, академик Международной академии португальской культуры, заслуженный деятель науки РФ. Автор цикла фундаментальных трудов по проблемам Латинской Америки и общей теории социального развития.

Ю. И. КОВАЛЬ. Художник, превосходный знаток русского языка и русской природы, талантливый писатель:

«А у Коваля, как ни у кого, открытость и доброжелательность сразу видны, что в прозе, что в характере. Какой человек!», « ...Очень вкусная проза» (Юлий Ким);

« ...его юмор – это правда, не требующая никаких доказательств» (Фазиль Искандер);

«Я думаю, что он один из самых чистых служителей русского слова...» (Андрей Битов);

«Он был необычайно талантлив... артистичен и обаятелен» (Марина Тарковская).

Добрые слова о Ю. Ковале, о героях его книг говорили Р.А. Быков, П.Н. Фоменко, А.Б. Фрейндлих. Кто-то очень здорово назвал его то ли «поэтом среди прозаиков», то ли «поэтом в прозе». В его Мастерской часто встречались Б. Ахмадулина, Ю. Визбор, В. Высоцкий, Ю. Ким и многие другие замечательные люди.

Г. Д. КУЗНЕЦОВА. Главный научный сотрудник Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, доктор биологических наук, профессор. Автор трех монографий и около 150 статей.

Л. Д. КУЗНЕЦОВ. Заведующий лабораторией ГИАП (технология синтеза аммиака и катализаторов этого процесса). Кандидат технических наук. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники. Лауреат Госпремии Украины. Видный изобретатель (имеет более 20 Авт. свид. СССР).

Б. И. МОРГУНОВ. Доктор физико-математических наук, профессор, автор пятнадцати книг. Талантливый исследователь и педагог: подготовил двух докторов и около 10

кандидатов физ-мат наук. Человек мощного интеллекта и исключительной эрудиции (деятельной, творческой) в различных областях Знания и Культуры.

М. М. ПЛОТКИН. Зам. директора Института социальной педагогики Российской Академии образования, руководитель Центра профессионального образования, доктор педагогических наук, профессор.

В. Б. ПРЕЙС. Главный педиатр Минздрава РСФСР.

Ю. Я. ЯХНИНА. Известный переводчик художественной литературы с французского и шведского языков, Командор Ордена Полярной Звезды - таким орденом от имени короля Швеции награждают иностранцев за заслуги перед Шведским Королевством.

ПРИЛОЖЕНИЕ I *

Из «Вундеркинда» №1. 1947г.

Первая сессия Верховного совета ССД была открыта 31 марта 1947г. В Большом Дворце Красного Уголка. Сессию открыл старейший депутат т. Прейс.

Выбрав Председателя, депутаты выслушали отчет Председателя Центральной избирательной комиссии т. Горностаева и приступили к выборам Президента.

Голосованием было установлено, что на пост Президента ССД избран тов. Дивильковский.

Затем т. Прейс зачитал список Министров, а те, в свою очередь, выбрали Председателя совета Министров: тов. Гриневского.

Утвержден также Гимн ССД (поется на мотив из «Девушки моей мечты»):

*Славься, славься Государство наше,
Самая прекрасная страна.
Ты всех стран сильнее, могучее и краше
Круглый год в тебе стоит весна!*

*Славься, славься ССД во веки –
Демократия в тебе сильна.
Здесь живут свободно люди,
Круглый год в тебе стоит весна!!*

*В ССД вся власть в руках народа,
Много в нем закусок и вина.
В ССД господствует свобода,
В ССД всегда стоит весна!!!*

*Все Приложения даны в редакции авторов воспоминаний.

Из «Вундеркинда» №2. 1947г.

МЕНЬШИКОВОЙ Т.В.

В ЧУНДЕРКИНД

№ 2 ФЕВРАЛЬ

1947г.

Вундеркинд № 2
февраль
1947 г.

От редакции

Редакция журнала "Вундеркинд",
пересмотрев своего литературного дей-
ственства в свете гостиновления о
журналах, обнаружила ряд серьез-
ных недостатков. Ответственный ре-
дактор допускает такую оплошность,
что на страницах журнала пада-
яясь грязные птички типа рек-
ионера Гусейн-Гусини, рассказ
которого порадует своим глубоким
незнанием современного быта. Но-
вогодние процветание, написанное
неизвестным автором, является
глупнейшей лягушкой на действитель-

ности. Автор имеет наглость утверждать, что такой источник информации, суждённости, может осуществляться с такими признаками рутины. Его рассказ — полное подражание пасквильной наглости Зоиенко Презрение, чрезмерное увлечение всем ~~и~~ заграницей привело к тому, что фокусы настолько смели и находили такого автора, известного французского реакционного писателя Альсана. Но, несмотря на ряд крупнейших ошибок, в журнале было отражено настойчивое народное чудоство, выразившееся неподдельным талантом. Например слова:

Бутерброд из человека,

Вкусный бутерброд...

Недаром „Папуасскую застолоную“ написанную Маклаханом распевает наша молодёжь

А. О. Поляковский.

дзь у нас уроки физики. 21. Кедзак.

„Элегия“

Рыбы поминуть Болиево, мой друг?
СРУЙДОЛ, Подлипки, белогонки...
Ах, еслид все вернулось вдруг:
Задавы, икры и речёнка.

Скорей настана бы весна —
Учиться кончили скорее,
Весна на счастье нам дана,
Весну жить нам веселее!

Весна всем нам волнует кровь,
Все, как один, весной страдаем,
Весной же всем идём подать.
Весной эти скучи изыдаем.
Варлаам.

"Наш дом"

В Москве, на улице Садовой,
Был, где находился Метрополитен,
В Хоромном тупике был дом постро-
ен новый ~~и~~

И много ^{праздников} жили в нём новосёл.

По вечерам, зимой и летом,
Под веера саксон и шум пурги
Был каждый день команда эта
Имена зборных свои.

Они комары концерты давали
В гости жильцов своих

И слух их криком упруждавал,
Всё когда-либо не давали,
А в общем не любили их.

Три раза в год бывали новые,
Ходили в театр и кино,
С недес они не исходили из дома,
И в общем жили хорошо ;
Три раза в год все напивались

Кричали, плакали, ругались
И, выходя всем гурьбой во двор,
Плевали души на музу,
Имели с Сашей разговор,
Когда же клоунов их ко ему
Домой нечестиво расходились,
И друг на друга не сердились;
Когда в наилу винных паров
Разгорячённые нечестивы то в драку
падали, то ног стояли.

Был один из них именем Сидров
и Акс, олицетворение нечестивия.
Так называлась „Вуддеркинг“
Любимец у ветеранской толпы
(Все же панихи для штама лишь кину
А основное всё боязни.)
Ног несвободном Гитлересона
Сидров зажег оперу и ворил
И спавши, рвущийся по каменному
ночь,

С унылой гордой напутки
Здесь диссуз свой Лис организовал
И бывера все с напором
В квартире у него огромный чул
столик

Но диссуз работают все же не стан
Когда же-то наступило
И испытание началось
Манамин-Бриджс не обижали
В футбол до ног пахали играли
Но жаль, что попались мечи.
Футбол, футбол, какая сила
В твоей игре замечена?
Как замечательно красивы!
Броски Леонтьева и Химса.

(Продолжение следует.)

Товарищи гейтстенцы, начини-
те ваши отзовы об этом произ-
ведении.

С этим произведением мы начинаем
легатать рассказы из серии "История
школы". Рассказ первый, "Каменный век".
Первое упоминание о школе мы встре-
тили в каменном веке. До нас дошли
записки одного школьника того времени.
Вот выдержка из него:

Год маюнта. День ~~крайови~~

Наш учитель изгой и носит теперь
шару особым манером, т.е. снимает
два конца шары так, чтобы получи-
лось кольцо похожее на кольцо. Потом
продевает в это кольцо голову и
левую ногу. Получается очень странно.
Сегодня он возвал к доске Архон
Америкса Налезозаврова. Тот сидел
не выучив уроков и учитель, скавив
горловинку (весом 19 кг), ударили его по виску
Археоптирикса. К утину меня еле
снесло в море. У меня сломалась сама

С. Тютюн-Бржеславский

Московские рынки

Начиная с этого номера, мы будем публиковать произведения из цикла "Лицо столицы".

Проблема площадь. Центральный базар.

Скверик. Трамвай. Поганая

шум деловой. Глубиной бульвар

Вопли обманутых. Искусство мюзикльное

Был я в Берлине. Гулял по аллее
Unter den Linden; красиво! Картина!
Но об одном я сердечно жалею:
Нету в Берлине хорошего рынка

Наш долг Московский Немецкий
рынок

Взять бы да к немцам в погово
да. А то что это. Как ботаника
Для человека безмозгого.

Эх вон Москва! Исторический замок.
Преображенка. Дух истории
Будто в Петровых огромных упаках
Две столицы из-за рынка спорили.

Истинно русский дух остался
В названиях рынков. Но-сторинке,
Данилой какой-то князь прозвывался
В веках прозвучавший это имя на рынке

Тишинский рынок.

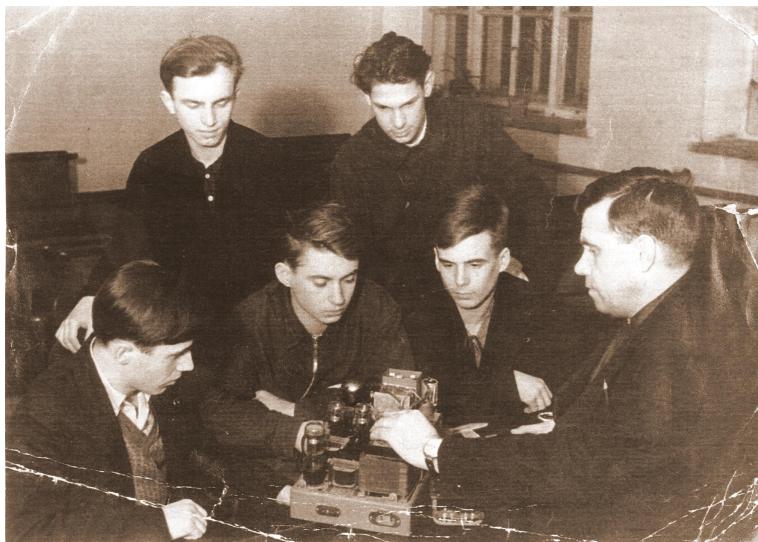
Тишина.

Бояй и нега Где б я не искал
А где я ; тишинская стена,
В душе лежал я и не искал

Живя в Будапеште, услышал слугами
Закрыли лестничку будто, крышка.
И сердце в тревоге забилось оттуда,
Как в мышеловку попавшая мышка

Заря? Рюген? Неужели пешала?
Все рынки её приклонялись сине!
Шахматка! Как она бурно дышала
Коммерческим духом. Вдруг напе! Закрой

Стои и любуйся, годчи, часчи,
Минуту стои или две
Как бы, не знаю, аично счастлив,
Что происходит в Москве.

На занятиях радиокружка в нашем Красном уголке.

УРОКИ ТАНЦЕВ (Вальс)

С вальса, как известно, начинаются
бенера, бенеринки и балет. Вальс — труд-
ный танец. Танцевать вальс могут
лишь люди, обладающие большой
физической силой. Это связано с тем,
что танцующие разывают боло-
тную скорость, при которой может
произойти, что одыгно и случиться,
столкновение между парами. Вальс
танцуется следующим образом:
женщина берёт женщину также,
как и в пайго, но танцующие должны
не забывать, что держаться друг за
друга надо крепко, иначе могут произой-
ти неприятные последствия. Все суть
танца заключается в быстрых поворотах.
При этом нужно передвигаться по
зану, а не вертеться на одном месте.

Г. К. Милей много поклонников, то, одн

но, танцующих много и при этом
происходит столкновения. Например не-
колько случаев, произошедших в 193 и 1957-й
школах. Поэтому, чтобы научиться хоро-
шо танцевать вальс, кавалеру нужно
уметь хорошо лавировать между других
пар, дабы избежать неприятных столкновений.
По окончании танца не следует отпускать
друг друга, т.к. после быстрого вращения набега-
ет сильное кружение головы и возможна паде-
ние на пол. Часто танцевать вальс не
рекомендуется.

Родина вальса - Вена. У венского вальса,
так же как и у нашего есть разновид-
ности. Одно из них "вальс-бостон", сим-
ко распространенный в Америке.

Автор романа "Остров невидимка" решил, что
он не хуже Гоголя и ехать свой роман, а
посему продолжения его не будет.

ЧИАХМАТЮ: (ответ на задачу) Края: К98, Фд2-16
Сд1: А2+ Ф88-88 Кр97
РСЗХ

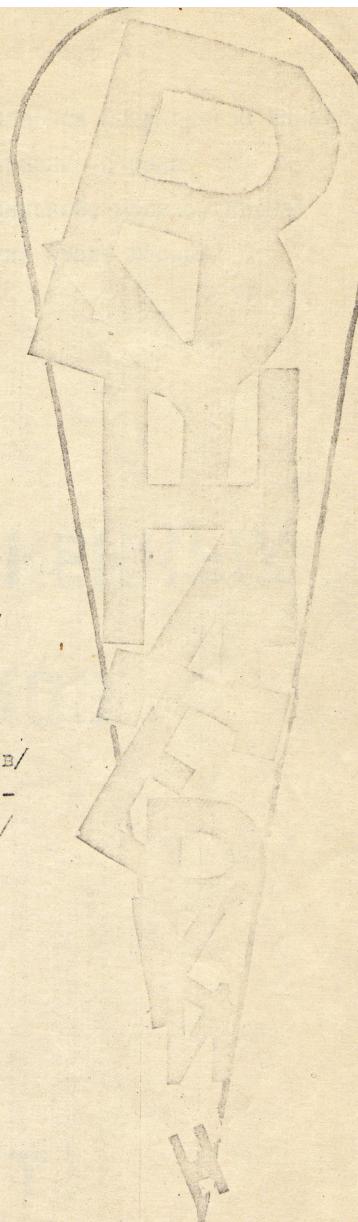
Из «Вундеркинда» юбилейного. 1987 год.

Среднехудожествённый-юморной
и политический
с 19 этого года эпизодиче-
ский журнал трепачей Союза
Старых Друзей.

Главный редактор
Виктор Кебзак /Прейс/

Редакционная коллегия:
Тютюн-Брджеевский /Дивильковский/
Вокаль /Коваль/
Маклакха -Маклай /Петров/
Зофали /Литвинова/
Ответственный художник /В.Литвинов/
Ответственный за выпуск - женщина от-
ветственного художника /Литвинова/

Издательство ССД
Тупик Хоромный

Славься, славься государство наше
Самая прекрасная страна!
Нет тебя сильней, могуче, краше!
В ССД всегда стоит весна!

СОЮЗУ
О
Ю СОЕДИНЕННЫХ
З Т
У А ДОМОВ
Р Р
Ы У
Ж З
Е Й

40 ЛЕТ

1947 - 1987

Мои соотечественники, дорогие друзья!

Я сижу за столом, передо мной чистый лист бумаги, в руке авторучка. Я думаю о вас.
И на мгновение закрываю глаза.

... ѿже мой! Я сижу за столом. На стене висит портрет вождя. На столе папиросы "Казбек". Билет в кино на новый заграничный фильм "Возраст любви". Вчерашняя "Пионерская Правда". Учебники, циркуль, ластик, линейка. А на полу красная тряпочка, в которую завернуто несколько монет для тяжести. И еще несколько монет у меня в кармане, звенят, ожидая своего часа:

Ах, чеканка ты моя, ах, чеканочка!

Ах, хорошая игра "расшибалочка"!

Передо мной чистый лист бумаги, вырванный из ученической тетради, а в руке самопищащая ручка. Обыкновенная самописка, как у всех - с пером и резиновой пипеткой, в которую набираются чернила.

Я пишу о вас и для вас. А о ком же и для кого писать, когда в жизни еще нет никого и ничего, заслуживающего внимания, кроме друзей? Когда в душе - просторно, хорошо, свободно и чисто, как на большом зеленом поле, где нет никого и ничего, кроме вас, гонящих мяч, поющие песни под аккордеон или гитару и крутящих любовь, как новую незагорную, в первый раз прослушанную пластинку!

Я пишу о вас и для вас - новые стихи в журнал "Вундеркинд". А во дворе стоит год эдак тысяча девятьсот сорок седьмой. А может быть сорок четвертый.

И я на мгновение закрываю глаза.

На одно мгновение.

Только на одно мгновение, не больше.

Вы понимаете - не больше, чем на одно мгновение, я закрываю их.

А когда открываю их...

Я сижу за столом, передо мной чистый лист бумаги, в руке авторучка - шариковая, обыкновенная, как у всех.

И звонит телефон.

Звонит телефон, и я снимаю трубку и слышу голос.

Это голос моей внучки!!!

и на стене давно нет портрета того вождя.

и несколько лет назад я бросил курить, потому что в моем возрасте бромхит курильщика - это опасно, говорили врачи.

А на дворе стоит год тысяча девятьсот восемьдесят седьмой...

Но ведь прошло всего одно мгновение, я вам клянусь!
только одно мгновение, не больше!!
От этого можно сойти с ума.

И я опять стараюсь писать о вас и для вас. Пытаюсь найти и разглядеть ваши полуза забытые лица в огромной толпе людей, вещей и теней, заполнивших мою душу и память, которые стали теперь большие похожи на ярмарочную площадь в воскресный день. Чего тут только нет - прекрасного и уродливого, любимого и ненавистного, приобретенного и потерянного, бывшего, прошедшего и давно канувшего в небытие моды и увлечения, изобретения и нововведений, о которых уже никто и не помнит. Войны и перемирия, рождения и похороны, влюблённости и измены, дальние поездки и тяжёлые болезни, товарищи и начальники. минуты радости и годы труда.

Это было всего лишь мгновение, друзья мои, и это огромная машина, которая называется прожитой жизнью и которая все тяжелее давит на плечи и все ниже пригибает к земле.

Но сегодня кто-то из вас вспомнил обо всех нас, в том числе и обо мне, и позвонил. И все прожитое - ну, если не все, то многое, все лишнее, несущее и ненужное, тускнеет, растворяется, исчезает...

... и умолкает хор постылый

и отлетает миштура:

Я слышу вновь ваш голос милый

Ребята с нашего двора!

Не славы и не денег ради,
Не для себя и не для дяди,-
За много лет я в первый раз
Опять пишу, друзья, для вас!

Опять сегодня я на воле -
В последний раз, на склоне лет,
Как на большом зеленом поле:
Простор, покой, тепло и свет!
И ничего другого нет!!

А если говорить серьезно, то - спасибо, кто пел и запевал!
и Боре за игру.

/Бонч-Брулевич-Тютюн-Брдзиевский/

Ноябрь 1987 г.

НАША ИСТОРИЯ В ЦИФРАХ И ФАКТАХ:

ССД возник в период "исторической" сессии ВАСХНИЛ и не менее "исторических" постановлений о журналах "Звезда" и "Ленинград".

В отличие от многих других союзов наш союз всегда отличался стойкостью и сплоченностью граждан. Мы, также как и все в тот период времени, разгромили у себя безродных космополитов типа Штернбергов-Каменских, но, в отличие от других, протянули им отцовские и материнские руки и из безродных сделали их родными. Содеянное отражало мудрость нашего Президента и Президиума. Благодаря прозорливости Президента в ССД был издан и единственно поддержан гражданский указ о ношении мужским населением шляп. Кто сейчас из граждан ССД не носит шляп? Все носят (кроме Литвинова) и даже женщины!

Кто был против Указа Президента о ежегодном праздновании 20 августа всеесовского мужского дня? Никто! И сейчас этот праздник празднуется в любой месяц и любой день. Вот это централизация!

А Премьер? Только лишь его смелость и находчивость позволили уничтожить на заднем дворе раскололшийся бывший Некомитет А отмена денежных знаков, когда их все выиграл в карты Улитинова. Это ли не мудрость!

Работа остальных членов кабинета министров протекала столь же блестательно. Министр обороны ни разу не собрал свое войско и лишь однажды выстрелил из ракетницы. А прокурор? Ну, ли он хоть одного гражданина к ответственности? Не привлек, поскольку не было ответственных! А блестящие фильмы, которых с тех пор не снял и не выпустил Министр кинематографии - это не пример творческой удачи? А министр здравоохранения, который даже не знал, кому и куда ставить градусник. Он этого не знал и сейчас!

Есть ли в каком либо другом союзе деятель культа, объединивший в одном лице все религии? Нет! А у нас есть - это мущий, буддийший, раввинейший, ксендзейший, поповейший и прочая полусвятой Петр.

А народ Союза? Какой это прекрасный народ! Смотреть жутко-но приятно!

Такова история, таковы факты, а что в настоящем?. Численность населения ССД уменьшилась всего на 7,14%. В то же время значительно увеличилось число лысых и седых. По сравнению с 1947 годом чистый вес граждан возрос на 79,34%. Уменьшилось число зубов, зато несколько увеличился объем талии и, простите, верхнего и нижнего бюста.

За прошедший период было рождено значительное число детей, многие из которых законнорожденные.

Число разводов, вторых, третьих и четвертых браков соответствовало мировым стандартам и в настоящее время тревоги не вызывает.

Таковы наши цифры за 40 лет.

Приведенный фактаж и статистический материал вселяют в каждого из нас надежду на дальнейшее светлое будущее ССД.

Редакция Вундеркинда.

Начало XX века. Красные ворота, а за ними Запасный дворец, который после реконструкции превратился в здание МПС (сегодня РЖД).

Маклаха - Миклуй

НОСТАЛЬГИЯ

В нашем городе огромном
Памятное место есть:
Дорогой тупик Хоромный,
Дом родной мой, два дробь шесть.

Жизнь, что делаешь ты с нами?
Годы мчатся словно спринт.
Только снятся мне ночами
ССД и "Вундеркинд".

Годы мчат, летят куда-то.
Их обратно не вернешь.
Что же делать мне, ребята?
Как унять мне стрессов дрожь? I)

Мочи нет. Кричать охота
Грусти боле не тая:
Где ж вы Красные Ворота?
Где ж ты молодость моя?

ЗОФЕЛИ

Р. А Н Н Я Я Л И Р И К А?

В дни горьких, тяжких дум и в дни разуверенья,
Когда жизнь кажется мне скучной и пустой.
И дух слабеет мой под тяжестью сомненья,
Я двор в Хоромном вспоминаю дорогой!

Ласкает душу мне трёп Витьки, стих Сергея,
Остроты Ковала и тонкий Петин слог.
Я вспоминаю вас, я тихо грустно млею ...
Все вызывает бурный мой восторг!
Я вспоминаю вас в сердечном умиленье,
Житейских нужд забыв тяжелый гнет.
Уходят прочь и тяжесть и сомненье,
Уходит всё, что требует забот.

Пусть годы тают, головы седеют,
Пусть ССД лишь милая игра.
Воспоминенье детства души наши греет,
Была! Была у нас прекрасная страна!

≠ ≠ ≠

Кто не соответствует духу своего возраста
испытывает все бедствия этого возраста.

Вольтер

Вольтер не прав - счастливы мы
Когда не в уровень с годами,
Когда в нас чувства и умы
Не одногодки с сединами!

Новые неопубликованные документы из старых архивов

Работая над историей неформальных групп молодежи, я случайно обнаружил целый ряд новых, т.е. пока еще не известных широкому читателю, документов из старых архивов первых послевоенных лет. Речь идет о деятельности так называемой группы "ССД", действовавшей в конце 40-х и начале 50-х годов в центре Москвы. До сих пор ни точный состав этой группы, ни ее политическая платформа полностью не выяснены, ибо большинство документов утеряно, а очевидцы плетут явную ахинею, приписывая группе некий сексуал-демократический характер и явно утаивая подлинное содержание ее деятельности по организации молодежного движения. В литературе можно встретить самые различные варианты расшифровки аббревиатуры "ССД" - Сообщество соседских детей, Союз симпатичных дураков, Стрела совершенного демократизма, Судьба - секс - дружба и т.п. Все эти варианты, на наш взгляд, не могут быть признаны научно обоснованными, во всяком случае поиск следует продолжить. В современных условиях особенно важно изучать наше прошлое, дабы извлечь уроки на будущее.

С целью обмена мнениями и углубления историко-архивных изысканий ниже приводится краткая подборка новых архивных документов, в которых в той или иной мере затрагивается история "ССД".

Документ № I

Из дневника члена "ССД" по кличке "Президент" 25 августа 1945 г.

...Вчера во "ВШАХ" организовали трубку мира с группой Улитина. Министр обороны принес пачку папирос "Звездочка". Обсуждали ме-

ности по ведущим предметам. Затем был разработан план по проникновению на балкон пятого этажа и проведения встречи с девочками"

ЦГАОР, ф.018, д.14, л.7.

Примечание: Из данного отрывка следует, что группа "ССД" поддерживала регулярные контакты с другими аналогичными подпольными группами, имела четкую организационную структуру с претензией на создание "второго кабинета".

В 1945 г. папиросы "Звездочка" действительно существовали, но это же название фигурировало как обозначение ракеты среднего радиуса действия (РСД 18), которая еще не была изобретена, что свидетельствует о далеко идущих ориентирах группы.

Вопрос о "ликвидации задолженности", по-видимому, следует понимать как признание необходимости переслать деньги за амуницию и боеприпасы.

Под "встречей с девочками" на 5-м этаже имеется в виду нечто не поддающееся расшифровке, т.к. не ясно, для чего надо было "проникать на балкон". Видимо, под термином "балкон" подразумевается какая-то часть женского туалета или неопознанный вид интерперсональных связей послевоенной эпохи.

Документ № 2

Из донесения отличника учебы "А.Г." в райотдел. 4 января 1946 г.

...Удалось установить, что группа "ССД" намеревается силой захватить подвалы дома № 2/6, видимо, с целью организации подкопа под метрополитен им. Л.М.Кагановича и последующего проникновения в метро без билетов. Я уже сообщал, что в группе идет активная боевая подготовка, проводятся боксерские и борцовские встречи, разучивается азбука "Морзе" ногами, распеваются строевые песни

дарья с такими разговорами". Все это не может не беспокоить здоровые слои молодежи. Ваш А.Г.".

ЦПА, ф.10, д.433, л.35.

Примечание: Из документа явствует, что в райотдел регулярно поступали сведения от "А.Г.", который (или которая) действовал в рядах "ССД". Особенно зловеще звучит информация о подкопе и разучивании ногами азбуки "Морзе". До сих пор не ясно, однако, что собой представляет некая "тардырышарья", на которую призывают валиться всех не-членов "ССД". Видимо, речь идет о некоей разновидности дивана или кушетки, на которых велись секретные разговоры.

Имя агента "А.Г." не расшифровано.

Документ № 3

Из письма одного из членов "ССД" к одной даме. 8 марта 1947:

"...Дорогая, вчера мне сломали ногу, но я тебя все равно люблю. Теперь я могу спокойно обдумать план наших действий. Передай "Президенту", что через две недели все будет готово к десанту на женскую школу. "Шурик" продолжает голодовку на чердаке? Передай ему привет. Твой министр" АВМФ, ф.44, д.44, л.44.

Примечание: В письме "Министра" ставится вопрос о десанте на женскую школу. Был ли он произведен и какими силами - не известно. Что касается голодовки некоего "Шурика", то, скорее всего, речь идет о сборе продовольственных запасов на случай осады. Характерно, что "Министр" пишет своей возлюбленной, но почему-то сообщает, что ему "сломали ногу", что он имеет в виду под "ногой" к сожалению, также не известно.

Документ № 4

Из письма директора школы Министру просвещения СССР

28 февраля 1948 г.

Уважаемый товарищ Министр!

Сообщаю, что благодаря мужественным действиям нашего Павлика Морозова преступная группа "ССД" объявила о своем самороспуске. В последней декларации группы указывалось, что ввиду новых исторических условий не целесообразно продолжать руководить неформальным молодежным движением из одного центра. Таким образом, на удалось добиться децентрализации, что открывает путь для подавления разрозненных акций подрывных элементов.

С уважением
Директор школы".

Архив Минпроса СССР, д.8, с.15.

Примечание: Под "Павликом Морозовым" выступал агент "А.Г.", имя которого теперь достоверно установлено, но еще не подлежит оглашению.

Послесловие.

Архивные документы ярко рисуют светлый облик группы "ССД", которая дала стране ряд выдающихся деятелей политики, науки, медицины, военного дела, управления и т.д.

Было бы желательно переиздать ставшие уникальными номера центрального органа "ССД" журнала "Вундеркинд" и подготовить многотомное документальное исследование, посвященное юбилею указанной группы, первой в истории поставившей задачу по подготовке школьной реформы и революционному обновлению молодежного движения.

Академик всеобщих наук Б.Вокаль

ОТ РЕДАКЦИИ

В процессе подготовки журнала к изданию в ряде разделов по вине уборщицы были допущены неточности.

В статье "Наша история в цифрах и фактах" дана неверная оценка деятельности Министра здравоохранения. Он знал куда ставят градусник, однако учитывая крепкое здоровье жителей союза, Президент самовольно заменил должность Министра здравоохранения на должность Министра внутренних дел, т.к. считал, что главным является ~~пёсой~~ и порядочек, а не кækая то там ангина.

В статье "Кем мы были и чем мы стали" также имеются неточности:

а/ Помимо сказанного о З.Ф.Литвиновой-Карпухиной /см. п.2эт 2 следует добавить, что названная З.Ф.Карпухина была наиактивнейшей женевлагаткой от 2 подъезда.

б/ Кузнецова Л.Д. оказывается зовут не Леонид как написано, а Леон как не написано. Кроме того, в силу плохого знания химии не было учтено, что он помогал производить не сероводород, а H_2S .

в/ Горносталев А.П. обнаружен. Он вовсе не живет в Зеленогорске и никогда там не жил.

Всем пострадавшим редакция ещё раз принесит свои извинения.
Уборщица уволена.

Приложение № 2

Выступление ЗАЙЦЕВОЙ Т.В.

Я очень рада в этот час,
Друзья мои, здесь встретить вас!
Ведь нашей дружбе столько лет,
Что не слыхал такого Свет!
Теперь мы важности полны,
Ума набрались, но увы ...
Нам дорог двор и наш подвал,
Который заменял танц-зал.
Так создавался ССД,
Такого не было нигде!
Раздельно обучали нас,
НО ССД от скуки спас и помогал в судьбе не раз!
Дворов соседних детвора,
Ты нашей юности пора.
Будь в нашей памяти всегда
Хоромный дом и все дома!

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Из воспоминаний О. А. Гриневского.

В детском саду нам было куда как хорошо – играли, пели, читали стихи, Конечно же танцевали, наряженные в костюмы, которые носят в разных регионах страны: кто в русских, кто в украинских, кто в узбекских. Ну а я, конечно, в казацкой черкеске с газырями, в папахе, с вытянутыми вдоль плеч руками. А стихи читал даже по украински. Как сейчас помню:

Та гей, бики, чего ж вы стали!

Чи поле сильно заросло?

Чи затупылось чересло?

Так веселились в нашем детском саду Таня Меньшикова, Лиля Бирюкова, Ксения Варзар, Ира Каменская, Нина Уманская, Игорёк Петров, Ленчик Кузнецов, Шурик Штейнберг, Витя Прейс и я – звали меня Альчон.

* * *

Но главным местом, где шла моя адаптация к новой жизни, был наш двор в доме у Красных ворот. В 1943 году из старой детсадовской компании там оставались Таня Меньшикова, Ксения Варзар, Ира Каменская, Лиля Бирюкова, Витя Прейс, Игорь Петров и я. Зато стали появляться

новые друзья – Сережа Дивильковский, Борис Коваль, Зоя Карпухина, Алик Горносталев, Шурик Штейнберг, Ленчик Кузнецов, Володя Литвинов, Люсия и Коля Фроловы. И постепенно этот круг друзей расширялся.

Жили мы дружно и после школы постоянно собирались у нас во дворе. Этому немало способствовал и сам наш дом, построенный в виде подковы, которая упирается в стену дома № 4, что в Боярском переулке. Поэтому двор внутри подковы -замкнутое пространство. Вход в него через ворота со стороны, которая выходит к площади у Красных ворот. Вокруг двора рассажены деревья, а посередине – фонтанчик, из которого тихо стекала вода. В общем, лучшего места для общения и игр не придумаешь.

А из наших дворовых игр прежде всего вспоминаются «салочки», «колдунчики», «прятки» и «казаки – разбойники». Были считалки на тарабарском языке тех детских лет. Например: «Эни, бэни, ряба, квинтер, финтер, жаба...». Или:

*«Дора, дора –помидора,
Во дворе поймали вора,
Стали думать и гадать,
Как бы вора наказать.
Мы связали руки -ноги
И пустили по дороге.
Вор шёл, шёл
И корзиночку нашел.
В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,*

Ленты, кружева, ботинки

—Что угодно для души».

Наиболее азартной и массовой игрой были «казаки и разбойники». Мы делились на две группы, одна из которых – разбойники – убегали, а другая – казаки – должны были их ловить. При этом разбойникам представлялось время, чтобы убежать, а затем начиналась ловля.

Была также очень популярная игра в «штандер», – видимо, типично городская и, судя по названию, – немецкого происхождения. Водящий подкидывал и ловил мячик, и после этого кричал – штандер! Все разбегавшиеся должны были тут же остановиться и замереть, а водящий по своему усмотрению выбирал жертву, в которую кидал мячик. В случае попадания она и становилась очередным водящим.

И ещё – много занимались спортом: бегали, прыгали, а главное для мальчиков – играли в футбол на «стадионе Папанин бридж». Так мы называли приспособленную для такой игры часть двора у дома в Козловском переулке, где жил тогда знаменитый покоритель Северного полюса – Папанин. Это был двор прямо за нашим домом, но отгороженный зданием электростанции и высокой каменной стеной, через которую мы, конечно же, перелезали. Можно было и идти в обход по переулкам, но это метров триста.

По вечерам обычно собирались, усаживались на лавочки во дворе – чаще всего ближе к первому или пятому подъезду, обсуждая наши школьные и дворовые новости. Политику никогда не трогали – это было как бы негласное, ско-

рее инстинктивное табу тех лет. Зато громко орали песни, рассказывали смешные истории и дружно смеялись. А вот в квартирах собирались редко. Только иногда на балконе шестого этажа у Тани Меньшиковой или у Ленчика Кузнецова, откуда открывался роскошный вид на огромную площадь у Красных ворот, не застроенную тогда рыночными ларьками. И, конечно же, – шутили и пели.

В общем, все, куда как хорошо! Вот только рано – уже в 14 лет мальчики начали курить. Делали это на заднем дворе – подальше от глаз взрослых, или забирались на крышу соседнего дома, пролезали там на чердак и курили. Это называлась у нас «курить во вshaх». А папиросы доставали так: булочки, которые давали нам в школе на завтрак меняли на папиросы в общественном туалете, который находился за станцией метро. Да и попивать начали рановато, но вполне умеренно.

Бывали и опасные развлечения. В те годы сразу же за Москвой, порой тут же неподалеку от железнодорожных путей, начинались свалки разбитой нашей и немецкой военной техники – танки, пушки, самолеты, бронетранспортеры и многое другое. Для нас, ребят, они были очень привлекательны. Ведь если покопаться, – скажем, залезть в разбитый танк, то можно найти и пистолет с патронами, и неразорвавшиеся снаряды, и не расстрелянные патроны. Но в одиночку на эти свалки ходить было опасно, так как там обитала бездомная шпана. Поэтому ходили туда «кодлой» – то есть всем двором.

И главное для нас в этом поиске было найти пистолет. Но удавалось редко. Тем не менее, нами он был найден. Подбирали также снаряды и патроны, высыпая из них порох, чтобы делать взрывчатку для своего рода фейерверков. А вот с пистолетом приключилась настоящая беда.

Сидим на каком-то уроке в 310-й школе, и Игорек Петров достаёт этот пистолет, направляет его на учительницу, которая стоит к нам спиной и пишет что-то на доске, строго давая указания какому-то ученику, стоящему рядом.

—Вызовите меня, — говорит Игорь. — Вызовите меня!

И так несколько раз. Мы наблюдали за всем этим с насмешками, будучи уверены — это игра и пистолет не заряжен.

—Ах нет, — говорит Игорь и приставляет пистолет к виску, нажимает на курок... и тут раздается выстрел. Оказывается он был заряжен, но к счастью был направлен чуть вбок и вверх. Поэтому пуля прошла по голове Игоря по касательной. Но все равно это была рана, и его отправили в больницу. Вот в такие игры играли мы в те годы.

Но главное, наш ребячий коллектив, спаянный крепкой дружбой, оберегал нас от самой большой опасности тех лет — влияния блатных групп, которые пользовались тогда большим авторитетом в московских дворах.

Постепенно в нашей компании стали проявляться свои способности и интересы. Борис Коваль сочинял и пел песни, Игорек Петров писал стихи, а у Бориса Коваля, Сергея Дивильковского и Альчона Гриневского возник своего рода союз, который назывался БСА.

И тут произошли два главных события, которые сильно повлияли на жизнь нашего двора. Первое, – это создание нами журнала «Вундеркинд». А второе, – это преобразование нашего дворового сообщества в ССД: Союз Соединенных Дворов, со своим президентом, правительством и парламентом.

Журнал Вундеркинд писался нами раз в месяц, начиная с января 1947 года. Это была школьная тетрадь, которая заполнялась стихами, рассказами и рисунками, сотворенными ребятами нашего двора. А самой привлекательной темой была школьная жизнь и, конечно, не без фантазий. Например, много рассказывалось о зверстве учителей над учениками, начиная чуть ли не с каменного века. А восстания учеников были естественной ответной реакцией на зверства этих мучителей.

Самой популярной была опера «Восьмой класс». Она дружно распевалась тогда во дворе и широко рекламировалась по району. А придумал ее Игорек Петров, – пожалуй, самый талантливый из всех наших дворовых сочинителей. Вот, например, что мы пели (Опера большая, поэтому приведу только несколько строк ее конца):

Хор учеников поет:

*Задушили мы физичку,
Убьем анатомичку,
А Беги на кусочки разорвем.*

(Беги – это сокращенное от Бегемота – такое прозвище было у директора нашей 310-й школы.) Далее происходит восстание учеников и в класс вводят связанного Бегемота. Он поет:

*Вы простите, я больше не буду,
Буду тихим и скромным всегда.
Все ошибки я ваши забуду,
Бить не буду я вас никогда.*

Хор учеников:

*Не простим, не простим мы Бегемота.
Вздернем, вздернем мы его сейчас,
Уничтожим живоглота, обормота,
Торжествуй же, торжествуй же восьмой класс!*

Я тоже тогда баловался стихами. Вот одно из них про наш двор, появившееся во втором номере Вундеркинда под псевдонимом О. Собутыльник (см. Приложение I).

Но крупным событием в нашей дворовой жизни было создание Союза Соединенных домов. В него входили 3 субъекта: СДШ – это Союз дома шесть, СДЧ – Союз дома четыре и государство Малышания (ребята из разных дворов). И четвертый номер журнала Вундеркинд начинался с такого торжественного сообщения:

«31 марта в большом зале Красного уголка началась первая сессия Верховного Совета ССД. Сессию открыл ста-

рейший депутат Виктор Прейс. Выбрав председателя, депутаты, выслушав отчет председателя центральной избирательной комиссии т. Горносталёва, приступили к выборам президента. Голосованием было установлено, что на пост президента избран т. Дивильковский. Затем т. Прейс зачитал список министров. Те, в свою очередь, выбрали председателя Совета министров. Председателем был избран т. Гриневский». И ещё – в ССД была создана такая необычайная государственная должность: Всесвятейший, Всемуллейший, Всебуддийший Патриарх. Им стал Игорек Петров.

Но не все так прекрасно обстояло в этом дворовом государстве. В том же Вундеркинде тогда появилась критическая статья под названием «Кто такие республиканцы и чего они добиваются». Вот что там писалось о наших игровых распрах в стиле, как это было принято тогда критиковать западную демократию:

«Как известно, в ССД существует несколько партий. Самой реакционной из них является Республикаанская партия. Эта партия состоит из мошенников, авантюристов и отъявленных негодяев. Пошляк и пройдоха Гриневский, член Республикаанской партии, обманом получил портфель министра финансов и при содействии реакционера Прейса стал председателем Совета министров. Став министром, Гриневский сейчас же издал закон о налоге на бездетность. Налог этот не маленький: 200 копеек в неделю (11000 копеек в год). А так как почти все население ССД не имеет детей, то, само собой разумеется, что, благодаря этому налогу, у Гриневско-

го скоро появится велосипед или аккордеон, а может быть и автомобиль.

Сообщник Гриневского Прейс (пять судимостей за подделку и кражу документов) по чистой случайности стал депутатом Верховного Совета ССД. И этому подлецу поручили составить конституцию ССД!.. Народ надеется, что честный и справедливый прокурор тов. Литвинов (бицепсы 3000 см.) вынесет суровый приговор этому реакционеру...

Чего же добиваются республиканцы? Они хотят сделать кровавую диктатуру, но это у них не получится, благодаря стараниям подлинно демократической монархической партии. Республиканцы насаждают расовую теорию. Представителей государства Малышания они считают низшей расой. 9 апреля возмущенные малышане вывесили листовки, в которых объявляли смертный приговор Прейсу, Гриневскому и другим... При монархическом строе малышане, возможно, будут равноправны».

Конечно же, – это была просто игра без всякой политики или завуалированной критики горячо любимой нами тогда советской власти. Просто мы копировали какую-то западную, скорее всего – американскую систему государственного управления, причем в том остро критическом виде, как она рисовалась нашими средствами массовой информации.

Но мы не знали тогда, что даже такая детская игра может вызвать серьёзные подозрения могущественного органа безопасности КГБ СССР – что представляет собой этот ССД? Ведь все доказательства налицо. Это политическая, антисоветская организация, создаваемая под влиянием извне

(тем более, что дом этот -кооператив НКИД и НВТ), и готовящаяся захватить власть. Тем более, что опыт борьбы с такими подпольными, вроде бы детскими, организациями у КГБ уже был. Всего за 4 года до этого – в 1943 году, после таинственного убийства на Каменном мосту Нины Уманской КГБ обнаружил подпольную организацию детей примерно нашего возраста, но в основном из Дома правительства на Берсеневской набережной, которые, играя, копировали гитлеровскую государственную систему и должности. Их обвинили в намерении захвата власти в СССР и посадили, хотя нена долго.

Но мы об этом ничего не знали. По школам и дворам развесивали тетрадные листочки, на которых было написано: «Да здравствует ССД! Славься, славься ССД во-веки!» А во дворе у Красных ворот по вечерам дружно распевали гимн (см. Приложение I).

К счастью, все обошлось. Как-то, было это уже ближе к концу 1947 года, моя хорошая знакомая, можно сказать даже подруга, хотя была старше меня, – Аня Кулагина сказала мне:

–Кончайте эти игры в ССД. Вами уже заинтересовалось КГБ, и вас разыскивают.

А была она старшей пионервожатой нашей 310-й школы, а до этого инструктором Райкома ВЛКСМ. Поэтому могла знать, что КГБ действительно заинтересовалось нами. Об этом я тут же сообщил на общем собрании граждан ССД в Красном уголке нашего дома. Наступила мертвая тишина. И тут поднялся Игорек Петров и заикаясь произнес:

*—Я б-б-больше не б-б-буду всес-с-святым, всем-м-
муленим, всеб-б-будейшим...*

На этом с ССД было покончено. И, слава Богу, – никто не арестован. Во дворе продолжались наши посиделки с песнями. И мы, как и вся советская молодежь того времени, дружно скандировали: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» В общем, как пел в своей песне много лет спустя Борис Коваль (см. основной текст).

Насчет «дружных потисканий» – я с Борисом не соглашусь. Вспоминая о нравах нашего двора, должен сказать, что они были исключительно чистыми. Причинами этого были, очевидно, сохранившиеся ещё с древних времен лучшие традиции русской деревни и строгая, прямо скажем – пуританская советская мораль того времени в отношенииекса. В дворовой жизни это проявлялось, прежде всего, в отношениях между мальчиками и девочками. И для многих мальчиков девочки тогда были просто мальчишками, – только в юбках.

Но это не значит, что у нас не было романов. Любовь бывала, но не часто, и проявлялась только в чувствах. А заканчивались эти романы обычно браками, которые продолжались всю жизнь. Пример тому – Зоя Карпухина и Володя Литвинов, Лиля Бирюкова и Шурик Штейнберг.

O. A. Гриневский в форме Чрезвычайного и Полномочного Посла.

На международных переговорах. Первый справа – О. А. Гричевский.

В духе того времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Из воспоминаний М.В. Миникса о хозяйстве и работениках Дома у Красных ворот* («дома образцового содержания»)

Нашим замечательным Управдомом долгие годы был Иван Максимович Калиш. Сохранилась фотография, на которой изображена скамейка в садике нашего Дома, а на ней мы с папой, Иван Максимович и А.И. Кузнецов. Подобные фотографии есть и в других семьях, поскольку И.М. Калиш со многими жильцами дома был в приятельских и даже дружеских отношениях. Потом его место заняла Александра Никитична Давыдова, которая уже в 50-е годы поселилась в 6-ом подъезде нашего Дома.

Все аварийные ситуации в Доме успешно побеждали свой мастер на все руки (слесарь-сантехник, электрик и проч.) N.N. Барский и его помощница Таня N. Если не ошибаюсь, в конце сороковых годов дочь Барского вышла замуж за старшего сына полковника Иванцова из 5-го подъезда. Был и свой столяр, который с семьей жил в подвале 5-го подъезда (за Красным уголком).

Весьма авторитетной фигурой для нас, мальчишек Дома, был Главный дворник Дядя Павел. А был еще второй дворник N. Шапиро.

В Доме была оборудована собственная котельная для обогрева квартир зимой, а ванных вода нагревалась с помощью газовой горелки фирмы «Юнкерс», что казалось забав-

*Пишу все, что вспомнил и как помню. Другие могут рассказать о том же, но по-своему. Мне кажется, это (такие повторы) – не страшно.

ным для детей войны. Некоторые жильцы у себя в квартирах сделали отвод горячей воды из ванной на кухню (по тем временам – чудеса да и только!). Кто был Главным истопником – не помню, но у него было два сына: Ислам и Мареф. Вход в котельную был с заднего двора, а окна из нее выходили в подвал под вторым подъездом. Как-то летом, уже в конце 50-х или в начале 60-х, из этого подвала появилась перепачканная мордашка очаровательной девицы лет трех, которая доверительно обратилась ко мне с жалобой на жизнь: «Я один, совсем один... мне так грустно...» (детей во дворе – никого; это была дочка одной из сестер Гущиных, которая вышла замуж в Румынии и гостила у родных).

В Доме работали лифты (в 30-х годах это было событием). Вначале лифтеры круглосуточно дежурили в каждом подъезде. Затем, по два лифтера обслуживали все лифты. Их штаб-квартира располагалась в сторожке, а она – в подворотне.

Внутридомный Детсад (подробнее см. выше – воспоминания О.А. Гриневского) вначале размещался во 2-м подъезде, а затем расширился за счет места для квартир первого этажа 3-го (окна на улицу) и 4-го (окна во двор) подъездов. Для ребят всех возрастов организовывались экскурсии по Москве.

В Доме еще до войны работал стол продовольственных заказов. Для постоянных клиентов в стену подворотни был встроен блок из двадцати с лишним сейфов-ячеек, в которые загружали готовые заказы, а каждый из клиентов имел ключ от своей ячейки. Привозили заказы на открытом пикапе. Мы

помогали его разгружать; за это нас катали по двору (по улице нельзя!).

Пункт приема в стирку и выдачи чистого белья был организован в подвале 1-го подъезда, а затем перекочевал в подвал под 7-ым подъездом. В этом подвале в разные времена работала столовая (был и буфет).

Собственная снеготаялка располагалась около ворот заднего двора, недалеко от котельной. Мусоросборник и мусоросжигалка также была на заднем дворе (около окон 3-го подъезда).

Особое место занимал и особую роль в жизни Дома играл Красный уголок, расположенный в подвале 5-го подъезда. В нем занимались самыми разнообразными делами и развлекались:

- проводились собрания жильцов, занятия Ликбеза, выступали агитаторы в период проведения первых послевоенных выборов, готовились стенгазеты;
- работали различные кружки: радиолюбителей, хоровой, драматический, моего сына учили даже играть на фортепиано, правда, не очень успешно;
- иногда «крутили» кино, проходили концерты художественной самодеятельности;
- работала библиотека;
- можно было поиграть в бильярд, в настольные игры;
- и многое-многое другое.

Это все были замечательные особенности Дома у Красных ворот.

Были и свои казусы:

- маленькие, в некоторых квартирах – крохотные уборные;
- кухни трех размеров: крохотные, небольшие и побольше (до 8-9 метров);
- во многих квартирах были предусмотрены шкафы-холодильники (с окошком на улицу), во многих – нет;
- в одних квартирах были балконы, в других – нет, например на 3-м этаже 3-го подъезда: в кв. 35 был огромный балкон, а в кв. 34 и 36 балконов не было;
- в «левых» (при подъеме по лестнице – налево) квартирах 3-го подъезда были затемненные комнаты и кухни (виноват странный выступ – квартиры 2-го подъезда).

Я уже не говорю о том, как Дом образцового содержания пострадал за свои привилегии, сколько людей – не только Наркоминдельцев – погибло в сталинских застенках.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Из воспоминаний С. Л. Корчиковой (Клейн), И. Д. Бабенко, Н. Б. Канторович.

До войны, в 30-е годы в доме № 2/6 по Хоромному тупику существовал Красный уголок для жильцов дома и их детей. Он был организован усилиями энергичного человека – управдома Ивана Максимовича Калиша и находился в подвальном помещении подъезда №5. Большую работу по организации кружков вела Евдокия Ивановна Варзар. В Красном уголке постоянно работала библиотека (книги выдавала и беседовала о книгах Елена Николаевна Лоренц), демонстрировались фильмы, тогда черно-белые и немые (регулярно приезжала кинопередвижка), и работали кружки: драмкружок с приглашенным режиссером, танцевальный кружок, детский оркестр; гордостью Красного уголка стал кружок автомобилестроения, в котором дети под руководством специалиста конструировали педальные автомобили из фанеры и деталей, которые поставлял ГИРД (Государственный институт ракетных двигателей), находившийся в районе Красных ворот; в этот институт для детей была проведена экскурсия, которая произвела на них большое впечатление. На этих автомобилях несколько мальчиков и девочек совершили въезд на Красную площадь в праздник МЮДа (Международный юношеский день 1 сентября).

Красный уголок был местом постоянного общения детей, где они могли обменяться впечатлениями о прочитанных книгах, прослушанных по радио интересных передачах

(телевизоров тогда не было), поиграть на пианино или на бильярде, подготовиться к очередному концерту: концерты, на которые всегда приходили родители и другие жильцы дома, готовились к каждому празднику, ставились спектакли, к которым дети сами шили костюмы и делали декорации, играл детский оркестр, дети пели, танцевали и читали стихи. К каждому празднику все дети получали поздравительные открытки и подарки: небольшой мешочек с кондитерскими изделиями.

Красный уголок стал любимым местом общения детей и их культурного времяпрепровождения и развития.

Кроме того, Красный уголок был также местом собраний жильцов дома, общественности, где обсуждались разные насущные проблемы. Просмотр фильмов обычно предназначался совместно для детей и взрослых.

В настоящее время, когда дети нередко предоставлены самим себе и не имеют должного общения, представляется очень актуальным возродить заведение типа прежнего Красного уголка и создать условия для его функционирования, предоставив для этого подходящее помещение, а конкретно— свободное подвальное помещение в подъезде № 5 дома № 2/6 по Хоромному турику.

Соня Клейн, Люба Абрамович, Нина Клейн. Конец 40-х.

Сестры Клейн. Соня, Нина, Анжелика (Лика), Наташа (Туся). Конец 40-х.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Из воспоминаний Э. И. Певзнер.

Почти 30 лет, со дня моего рождения – в 1935г. и до почти 1965г., когда моей доченьке Юле исполнилось 4 года, я прожила в моем любимом, обожаемом дома на Хоромном, у Красных ворот. Этот дом был совершенно особым, со своим миром, со своими законами.

Моя мама, Тейтельбаум Мария Исааковна, вернувшись в 33 году из Бермена, где она работала в Советском Торг-предстве у наркома Литвинова, заплатила (по ее словам) «золотой валютой» за трехкомнатную квартиру. Впоследствии, уже перед войной, квартиры перестали считаться кооперативными, и к нам в большую комнату подселили семью – из двух человек – оба партийцы. Андрей Владимирович Мякишев и его жена – Макагон Александра Васильевна. С ними я прожила 25 лет, очень дружно.

Дом наш был построен в виде печатной буквы П, где перекладина была обращена во вне, а все остальное – семь подъездов – помещались внутри. В дом можно было попасть только через огромные чугунные решетчатые ворота, которые в то время не запирались, и мы, дети, любили на них кататься. После ворот шла довольно длинная арка. До войны на правой стене (от ворот) помещались большие и глубокие ящики с деревянными дверками – туда «особо ответственным товарищам» доставляли продовольственные заказы. А таких жильцов, особенно до войны, было большинство. По

другую сторону арки была каморка с окном – сторожка, где всегда сидел дежурный лифтёр.

Внутри дома был маленький, уютный дворик, в середине круглый фонтан, потом пристроили песочницу для малышей, а для больших – был сколочен простой деревянный стол и две скамейки-лавки по бокам.

И вот настали страшные 37–38 годы. Из 95 квартир нашего дома 60 были опустошены. Людей очень уважаемых в стране, ответственных работников забирали, как правило, по ночам. Объявляли приговор: «10 лет без права переписки» (что на деле означало расстрел). Состав дома переменился.

Многие, когда началась война, уехали в эвакуацию. Но в 43 году почти все, оставшиеся в живых, вернулись. В том числе и наша семья. В этом же году я пошла в школу (613-ю женскую – первый опыт).

Но вся моя жизнь, как и жизнь всех, проходила в доме, во дворе. Мы дружили – целыми поколениями, по возрасту. «Нашего брата» было тогда довольно много: Миша Плоткин, Лева Месежников, Боба Моргунов, Гая Столяровская (на год моложе), Рита Гирgidова и Инна Платонова (обе на год старше), сюда же примыкали Женя Займовский, Марик Миникс, а вот Юрка Верещагин, Юрка Райский и Левка Меньшиков считались как бы уже в другой компании [Немного не так. М.М.]. Мы самозабвенно играли в Молодогвардейцев.

Были еще и «большие ребята» (так мы их называли). К ним я – бойкая девчонка – пристраивалась каждый вечер когда они – Альчон Горностаев, Шурик Штейнберг и др. тай-

ком поднимались через чердак 5-го подъезда и выходили на крышу – смотреть салюты. И как только я, мальвка, не сверзилась тогда и не разбилась вдребезги!

Вся жизнь наша шла во дворе, у всех на виду. «Большие ребята», сидя за столом во дворе, в 1947 году читали вслух только что вышедшие в издательстве «Советский писатель» «12 стульев» и «Золотой теленок». Мы, младшие, умирали со смеху и знали их наизусть. (Кстати, потом книгу сразу же запретили – и до смерти Сталина она больше не издавалась.)

Главным «книгочеем» нашего дома считалась Леля Александровская из 3-го подъезда. Она постоянно просиживала во дворе с книгой в руках, не вынимая изо рта большой палец, который сосала. А на столе часто ставили патефон, и «большие ребята» кружились со своими сверстницами. Точно, как по песне Окуджавы о Леньке Королеве, но нам завидовать им было некогда.

Из досок мы устроили качели и, стоя, подлетали прямо под кроны деревьев. Почти каждый день играли в лапту, в штандер, а особенно любимой была игра в казаки-разбойники. Прятаться бегали аж на «задний двор», где была помойка (никаких мусоропроводов в помине не было, все выходили с ведрами и выносили их на задний двор). Дом наш был удивителен еще и тем, что все были свои, т.е. не было никаких пришлых, никаких хулиганов.

«Чужими» были только два друга – Юлька Зайчик, двоюродный брат Женьки Займовского, да Юрка Епишин из соседнего, бандитского дома, – оба безнадежно влюбленные в мою подругу Инну Платонову. Инка была тихой, скромной,

неразговорчиво девочкой. Отца ее посадили, мать тоже, в комнату после войны приехала какая-то Зоя, обещавшая матери воспитывать Инку. Жили они в квартире 55, прямо напротив нашей 54-й на 6-ом этаже в 4-ом подъезде. Вообще, если рассказывать только о жильцах нашего подъезда, так это – целый том.

Сколько себя помню, мы целые дни носились друг к другу – я на третий, к Бобке Моргунову, он – ко мне. У нас с ним была страсть к книгам, особенно в то время к научной фантастике. Ежедневно мы виделись с Галкой Столяровской и Левкой Месежниковым из 52-й квартиры, как раз под нами. С мамой Левки – Ией Михаиловной и Галкиной мамой – Бэбой Матвеевной я могла говорить обо всем, почти как с родителями. На четвертом этаже жили Рабиновичи – чудесная, добрейшая Елизавета Ефимовна с двумя сыновьями – Эмиком и Натиком. Потом, подрастая, я очень дружила с их женами – Таней и Валей. А Валину дочку – очаровательную белокурую Инночку с лицом ангелочка – учила игре на фортепиано моя любимая подруга Маша, когда мы с ней были студентками иняза. Она – Инночка – почти «последняя из Могикан» – до сих пор живет в старой квартире. Чудо! Напротив них, в квартире №50 жил знаменитый Штейн – зам. Молотова, в ранге посла.

Помню время перед смертью Сталина – самый разгул антисемитизма. Я ничего не понимала, верила, дура, газетам. Встречала его, без погона, в подъезде, страшно подавленного, но, слава Богу, не посаженного. А его жена преподавала на

дому вокал. И когда бы ты ни шел по подъезду, всегда раздавалось это а-а-а-а-а-а! Это никого не раздражало.

На 3 этаже жили Кунины – очень славные. А на 2 этаже – уникальная личность, как говорили у нас тогда, друг Ворошилова – Иона Каменский. Рассказывали шепотом, что на голове у него какая-то огромная штука. Была у него взрослая дочка – Ирка Каменская. Все называли ее Камека. Считалось, что она сверхэкзальтированная девица. Рассказывали, что папаша бьет ее смертным боем, а она выскакивала во двор, ложилась на пол, орала и считалась истеричкой, а вообще она, наверное, была несчастное создание, рано лишившееся матери.

Еще я очень хорошо помню трех молодых людей, просто трех мушкетеров, из хороших, благовоспитанных семей – Алика Гриневского из 1-го подъезда, Вовочку Андреева из 2-го и Сергея Дивильковского из 3-го. Мы необидно называли их (по порядку) – Спичка, Супчик и Кашка. Все трое потом стали знамениты: Алик – посол (после МГИМО), Вовочка – народный артист, художественный руководитель театра Ермоловой, а Сергей, закончивший МГИМО, – крупный дипломат.

Вообще, люди в нашем доме были замечательные. У нас жил в 6-ом подъезде ставший знаменитым детский писатель Юра Коваль. В 5-ом подъезде жили сестры Клейн – все с медицинским образованием. В 1-ом подъезде до сравнительно недавнего времени жила знаменитая переводчица со скандинавских языков и писательница – Юлиана Яхнина.

И красавицы у нас были такие – просто глаз не оторвать. Например, в 5-ом подъезде, сразу же после войны, проживала расфранченная дама Элеонора Борисовна Крейндлина с дочкой Лорочкой – принцессой с голубыми глазами и золотыми кудрями. В 7-ом подъезде жила девочка уникальной внешности: с ресницами на полметра и прекрасными карими глазами – Туся Еременко. К ней тяготела ставшая красоткой Анечка Вайнштейн.

Для меня, девчонки войны, вобравшей в себя всю любовь к Родине и товарищу Сталину, самое интересное время после войны было в Красном Уголке. Находился он в 5-ом подъезде, где для него отвели подвал. Там была хорошая сцена и зрительный зал. Почти ежедневно там крутили все любимые наши фильмы тех лет – и все их мы смотрели десятки раз, и все бесплатно.

Работали там и кружки: хоровой, драматический, танцевальный. Я, конечно, была их активным членом. Возглавляла всю самодеятельность некая Ангелина Сергеевна Спартак – крепкая, полная, невысокого роста блондинка с крашенными перекисью волосами. Ее подселили в маленькую комнату квартиры Моргуновых в нашем подъезде. Она ставила с нами пьесы, разучивала песни и стихи.

Потом были концерты. Приходили наши мамы и бабушки. Мы были герои дня. Особенно отличился малыш – Владик Каплун, брат Кати из 1-го подъезда. Он прочел стишок:

Вот какой коташка,

*Круглая мордашка.
И на каждой лапке
Коготки-царапки.
Все ему игрушка:
Кубик и катушка.
Котик, словно мячик,
По квартире скачет. Мяу!*

С тех пор Владик свое имя потерял. Его стали все – по-головно – называть только Коташка. Вообще, жизнь во дворе у нас была ключом. Сами мы домой не уходили – приходилось загонять. Каждый вечер мой папа, встав на подоконник в маленькой комнате, на 6-ом этаже, окнами во двор, кричал одно и то же: «Элуша, домой!» И только тогда приходилось прерывать игру и ехать на старом лифте наверх. Как было весело во дворе, как захватывающе интересно! Ведь родители наши работали целые дни, а тут мы были все вместе.

Когда я, уже став взрослой, каталась по двору страшную зеленую коляску, где лежала моя новорожденная дочурка, я еще и не предполагала, что если бы не чудесный детский доктор из 2-го подъезда – Эсфирь Яковлевна Бару, то моя крошка запросто могла бы погибнуть (у ребенка началась диспепсия). Э. Я. строго-настрого приказала мне ежедневно носить к ней домой пеленку с детскими какашечками. По цвету и запаху она определяла, что делать дальше, как лечить. Я всю жизнь молюсь и вспоминаю Э. Я.

Были у нас во дворе и страшные вещи: погиб, долго болея, мальчик из 2-го подъезда, Боренька Пенько. Помню его

бедную тихую маму, маленькую, рассказывающую нам, что у Бореньки была саркома. О такой болезни я тогда и слыхом не слыхал. А когда утонул мой детский друг Левушка Месежников, это было просто первой, очень страшной моей личной трагедией. Ведь я и сама осталась жива просто чудом – и если бы не было коммунальных квартир – просто погибла бы, так как у меня в 7 лет был острейший приступ аппендицита, а вызванная из районной поликлиники молодая врачиха, сразу после института, его не распознала. И только соседка наша, тетя Шура, отвела мамины руку с кипятком – налить грелочку – предположив: «А вдруг у Элки аппендицит». А генерал Иванцов из 5-го подъезда, чья машина стояла на счастье во дворе, тут же приказал своему шоферу везти меня в больницу, аж на край света в то время – в Измайлово – где был военный госпиталь!

Я была настоящей девчонкой своего времени, своего двора. Сколько часов я проводила в сторожке беседуя с моей любимой Фридой Абрамовной, мамой Марики Миникса, или потом, поверяя Тане, работающей у семьи Медниковых, свои первые любовные секреты.

Как хорошо, что дом наш существует, хотя многих уже нет: ушли из жизни, переехали. Но в нем живут такие люди, как удивительная Танечка Меньшикова, член «Мемориала» и Совета Ветеранов микрорайона, поддерживающая историю дома, помогающая всем и хранящая идеалы прежних лет. Она – светлая, добрая луша нашего дома, вечно юная и несгибаемая.

Я через всю жизнь пронесла любовь к моему первому в жизни дому, где мы все жили, как одна дружная семья, несмотря на все тяжести и страдания тех страшных лет.

*Элла Певзнер с
Инной Платоновой.*

*Э. И.. Певзнер с М. М. Плоткиным и женами
М. М. Плоткина, М. В. Миникса и
Б. И. Моргунова.*

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Нерасшифрованные фото. Ниже публикуются две фотографии дворовых компаний ребят 1920–1926 и 1944–1946 (ориентировочно) годов рождения.

Надеемся, что к моменту окончания подготовки Альбома удастся узнать – кто на них изображен. Тогда фотографии попадут в основной текст.

Наши двор. Начало тридцатых годов.

Наши двор. Начало пятидесятых.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

Из официальных источников

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

Из воспоминаний В.Б. Прейса

Оказалось, что писать прозу мне значительно легче, чем воспоминания.

Во-первых, за много прошедших лет многое выветрилось из памяти и хронология событий сохранилась весьма примерно.

Во-вторых, поскольку дневников я никогда не вёл, то события в памяти восстанавливаются однобоко. Более хорошо вспоминаются взаимоотношения между мальчиками, а девочки остаются в стороне. Поэтому я стараюсь изложить то, что помню, но не исключаю возможных ошибок.

И, в-третьих, до какого времени нужно вспоминать? Мне кажется, что нужно закончить нашим окончанием школы, а всё остальное изложить в эпилоге. По моему мнению, каждый из нас должен написать свои воспоминания, а редактор или редколлегия должны это всё объединить, неважно если будут повторы, тогда может получиться цельная картина.

Итак, я начинаю вспоминать.

В Москве у Красных ворот, на пересечении Боярского переулка и Хоромного тупика, стоит шестиэтажный дом. Когда то он был серого цвета, а сейчас желтовато-лимонного. Этот дом был одним из первых кооперативных домов, построенных в Москве. В 1929 году он был заселен сотрудниками наркоматов иностранных дел и внешней торговли. В доме

проживали ответственные сотрудники аппарата и несколько послов СССР в капстранах. Какое то время в нём жил Нарком иностранных дел М.М. Литвинов.

Дом был семиподъездный, в нём было 93 квартиры. Практически в каждой из них жили семьи с детьми, поэтому при доме функционировал детский сад. В Красном уголке иногда показывали кинофильмы, кроме того при нём работали кружки. Я помню два: автомодельный для старших ребят и драматический для младших.

Мне бы хотелось для полноты картины перечислить детей моего возраста, подростков и некоторых взрослых, которые мне запомнились.

В первом подъезде в квартире № 1 жила семья Яхниных с дочерью Лианой, очень серьёзной девочкой, моей ровесницей. В последствии она стала известным литературным переводчиком.

На втором этаже жили Варзары с сыном Севой и его младшей сестрой – Ксеноей. Сева был отчаянный парень. В последствии он воевал, был кавалером многих орденов и медалей, полковником артиллерии в отставке.

В пятой квартире жила семья Гриневских. Их старший сын Олег был нашим приятелем. В последствии он стал Чрезвычайным и полномочным послом, автором нескольких книг.

А в десятой квартире жили Бирюковы с рыженькой дочуркой Лилей и очень интересной мамой – Верой Исаевной. Уже будучи взрослым, я очень любил с ней беседовать. А с Лилей мы поддерживаем контакты и сейчас, хотя живем в разных городах США.

В 12 квартире жил Юра Богун. Он был несколько старше нас и был для нас большим авторитетом, он был наш главнокомандующий. Однажды он устроил манёвры. С криками Ура мы бежали на задний двор, а он со своего балкона сбросил на нас большую лампу от прожектора, которая разбилась с таким грохотом, что мы от страха разбежались. После этого его авторитет упал и мы, а вернее, он к нам, потеряли интерес.

На шестом этаже жила семья Меньшиковых. Дочка Таня и её брат Лева были несколько моложе меня. Не знаю почему, но мне доставляло удовольствие пугать их. Они начинали реветь и бежали домой, а вечером их мама Зинаида Борисовна звонила моим родителям и жаловалась на меня.

Во втором подъезде на первом этаже находился детский сад, который я посещал до поступления в школу. Детский сад я помню весьма смутно. Единственно, что осталось в памяти, так это учительница немецкого языка. Вернее даже не она, а стишкы, которые мы учили. Некоторые из них я помню и сейчас.

В квартире 23 жила Инна Веселовская, но она была старше нас, и контактировать с ней мы уже начали после войны.

Двадцать четвертая квартира была многонаселенной. Как я слышал, в ней вначале жил доктор Петров. Когда его арестовали, оставалась жить его дочка. К ней подселился её дядя – Петров с женой и сыном Игорем, а потом в третью комнату этой квартиры вселился доктор Штернберг с сыном Шуриком. За достоверность изложенного я не очень

ручаюсь, но и Игорь, и Шурик были нашими очень хороши-ми друзьями. В последствии Игорь стал инженером-электри-ком, кандидатом технических наук, а Шурик стал врачом-хирургом и женился на Лиле Бирюковой, что было дня меня неожиданностью. К сожалению, его уже с нами нет. Два года назад он скончался к Америке.

В 26 квартире жила семья Плоткиных. По моему, он был замначальником Правового отдела Наркомата иностранных дел и сгинул, как многие, в 38 году. У него остался сын Миша, но он был несколько моложе нас.

А в 28 квартире жила семья Андреевых, мать и взрослый сын. По-моему, в то довоенное время он уже преподавал в Вузе. К ним периодически приезжал её внук – Володя, который после войны долгое время жил у них. В последствии он стал Народным артистом, главным режиссером театра им. Ермоловой.

В третьем подъезде на третьем этаже жила семья Минников. Их было два брата, Марик, чуть моложе нас, и Аба, старший. Точного имени его я не знаю. Он погиб во время войны. А напротив жила семья Короткиных, их сын Жора тоже не вернулся с войны.

На третьем этаже в 36 квартире жили Дивильковские. Они приехали в наш дом наверное году в 36, Их было два брата, Юра – старший и Сергей – наш ровесник.

Не знаю по какой причине, но до войны мы с ними не общались. Однако, в конце войны и все последующие годы 36 квартира, также как и Красный уголок, были нашим центром времепрепровождения. Один Господь знает, каких уси-

лий требовалось от Елены Васильевны – мамы Сергея, чтобы нас терпеть. В последующем Сергей Иванович Дивильковский работал на ответственных партийных и дипломатических должностях. Во время американо-вьетнамской войны был в Ханое. К сожалению, его старший брат во время войны погиб.

На четвертом этаже жил Миша Гюнтер. До войны мы с ним очень дружили, а потом наши пути как-то разошлись. Он примерно году в пятидесятом умер молодым.

На шестом этаже жили Лёнчик Кузнецов и девочка Вайола Кофман, приехавшая в 35 году из Америки со своими родителями помочь строить социализм. Насколько я помню, девочка по-русски говорила лишь одно слово – «робяты». Потом она хорошо говорила по-русски, стала кандидатом наук. Сейчас она живет в Америке.

А Лёнчик Кузнецов был основным моим «противником» во время игры в солдатики. В настоящее время Леон Дмитриевич работает в Москве. Он кандидат химических наук.

В четвертом подъезде на втором этаже жила Ирина Каменская – «легендарная» личность, но о ней несколько позже. Сейчас Ирина Ионовна живет в США. Насколько мне известно, написала комментарий к Библии и котируется в теологических кругах.

На третьем этаже в 47 квартире жили Куницы, приятели моего отца. У них было двое детей – Виктор и Ляля. Они были много старше меня.

Заметной личностью в этом подъезде был Штейн. Одно время он был послом в Италии, а позже – личным советником Молотова.

Напротив его квартиры жили Рабиновичи. Старший их сын Эмик был военным, а младший – Натик, хотя и был немногим старше нас, но с нами не общался. С ним я встретился в 1992 году в Израиле.

Интересным был пятый подъезд. На втором этаже жили Зивы. Их сын Миша подавал большие надежды в музыке. После ареста родителей, его не принимали в консерваторию; требовали, чтобы он отказался от родителей. Консерваторию он всё же окончил и стал довольно известным композитором. В 1980 г мне довелось с ним встретиться. Мы долго вспоминали дом и судьбы его жильцов.

Напротив квартиры Зивов жил Лоренц – посол СССР в Латвии. В 1937 г. он и его жена были арестованы и расстреляны. В их квартиру вселилась семья Иванцовых. Со старшим их сыном Сергеем я не дружил, а с младшим Игорем, любил играть. У него были очень красивые игрушки, по-моему, японские.

В квартире 59 жила семья Стомоняковых. Он был заместителем Наркома иностранных дел. Как я помню из разговора взрослых, когда его пришли арестовывать, он застрелился у себя в кабинете. Жену расстреляли позже.

На четвёртом этаже жила семья Рубининых с двумя сыновьями, Павлом – старшим и Андреем чуть помоложе. Они появились в доме перед самой войной. Их отец был послом

СССР в Бельгии. В 1950 г. его арестовали как еврейского националиста.

Напротив квартиры Рубининых была квартира Уманских. Они практически всё время жили в США, так как он был послом. У них была дочь Тита. Мы её знали, но видели редко. Где то в конце войны с ней случилась трагедия. Её застрелил сын Министра авиационной промышленности, чуть ли не на Красной площади.

Интересной была квартира 66. В ней вначале жил доктор Горелик. По рассказам, которые мне запомнились, он совершил гражданский подвиг. К нему на приём пришёл больной, у которого он заподозрил чуму. Горелик запер кабинет, вызвал спецмашину и она отвезла его и больного в инфекционную больницу, где они и скончались. Когда я уже был врачом, мне пришлось некоторое время работать с его братом С.Л. Гореликом, человеком с трудной судьбой.

После смерти Горелика в этой квартире поселился известный географ, писатель, путешественник – Лухманов. С его внуком Димой до войны я дружил, а затем наши пути разошлись, и я встретился с ним уже будучи взрослым.

Напротив, в квартире 65, жила семья, которая туда вселилась после ареста прежних хозяев. Глава семьи был не то сотрудником НКВД, не то военным. У них был маленький ребенок. С ними же жила сестра жены молодая девушка по имени Маня. Видимо этот военный был очень ревнивый, а может быть был повод к тому, что он застрелил жену и себя. Маленького ребенка забрала бабушка, а Маня продолжала жить в квартире. Наш домуправ, Иван Максимович Калиш,

который жил в первом подъезде в подвале, быстро сориентировался и поменялся с Маней. Дальнейшая её судьба была трудной, во время войны она стала доступной женщиной, а где-то к концу войны она поменялась с Медниковыми. Их сын Миша стал нашим близким товарищем. В последствии он защитил кандидатскую диссертацию и стал инженером-атомщиком. Сейчас Михаил Исаакович Медников живет в Израиле.

В шестом подъезде в 71 квартире жили Первины. Во время войны их сын Илья попал в плен, бежал к партизанам, а потом был осужден на десять лет как изменник Родины.

Бывшая квартира Литвинова после его отъезда стала коммунальной и очень несчастливой. Сначала там жил некто Райвид. После его ареста в 37 году туда вселилась семья Досиков, а в 39 году арестовали и Досика. Кроме того, там жила семья Таракановых. С их дочкой Неллей мы дружили.

В квартире 78 до 37 года жили Мельниковые, а после их ареста туда въехала семья Пивень. Он был дипломатом и работал в Чехословакии. В 1939 году его тоже арестовали. У них в семье было две дочери – Алла и Мара. Алла была нашей подружкой, мы часто собирались у нее. В конфискованную комнату к ним вселили семью Горностаевых с двумя детьми. Старший Альберт стал нашим приятелем. К сожалению, Аллочка умерла из нашей компании первой, будучи самой младшей из нас.

В седьмом подъезде на втором этаже жили Линские. С их младшим сыном Славой до войны я дружил.

В 81 квартире жили Карские. Он был посол СССР в Эстонии. В 37 году его и жену расстелили. У них осталась одна дочь. А её дочь вышла замуж за Райского Юру, который жил этажом выше.

На третьем этаже жили Райские. У них был внук моложе нас. С его бабушкой после войны мы конфликтовали.

В 83 квартире жили Васильевы – тетя и дядя Шурика Штернберга. У них было двое сыновей. Старший Андрей и младший Костя. Шурик нас иногда приводил к ним и мы с удовольствием рассматривали электрическую железную дорогу.

В квартире 85 жили Рафаловские. Квартира была знаменита тем, что когда моя бабушка иногда приезжала к нам, она ходила к Рафаловским молиться. Кроме того, у них жила не то внучка, не то племянница Рита. Она была чуть старше меня, но мы с удовольствием играли друг с другом. А после войны она вдруг стала взрослой дамой и наши контакты прекратились.

В квартире 87 жил молодой военный с женой и трехлетней дочкой. Он был военным атташе, по моему, в Чехословакии. В одну из ночей 38 года их с женой арестовали, а маленькую девочку заперли одну в квартире. Наш дворник – Павел Сиротин, всегда бывший понятным при арестах, в эту ночь нашёл брата арестованного и тот забрал девочку к себе. О её дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

На 5 этаже в 89 квартире жил бывший царский дипломат Соловьёв с супругой, по национальности немкой. Незадолго до начала войны Соловьёв умер, а в первые месяцы

войны была интернирована его жена. Потом в эту квартиру вселили лётчика дальней бомбардировочной авиации. Когда он погиб, его вдова прописала у себя племянника. Я не знаю, что произошло в дальнейшем, но во время войны в квартиру въехала семья Ковалей. Он был начальником московского областного Управления уголовного розыска. У них было двое сыновей. Старший Борис и младший Юрий. С Борисом я учился в одном классе. Он всегда был душой общества и остается таким же по настоящее время. Закончив институт международных отношений, он не пошел по дипломатической линии, а стал учёным. Защищил докторскую диссертацию. Был директором НИИ международного рабочего движения. Сейчас Борис Иосифович Коваль – академик. Его младший брат Юра стал известным детским писателем. К великому сожалению, он рано умер. Где-то в конце войны они поменялись с Первиными и переехали в шестой подъезд.

А в 90 квартире жил я с родителями и старшей сестрой Розой. Поскольку она была много старше меня, то мне не возбранялось общаться и с ребятами её возраста, чем я и пользовался. Мое безоблачное детство закончилось в марте 1938 года, когда арестовали маму.

В 92 квартире жила семья Маковских. Они дружили с моим отцом. Сам Маковский был инженер, приехавший со своей женой Шарлоттой Августовной из Германин. Детей у них не было и они по добруму относились ко мне. Мне запомнился запах кофе и до блеска натертый пол. В 1933 или 36 году Маковского арестовали, но быстро освободили и у него, как говорили, была охранная грамота от самого Стали-

на. Но, несмотря на это, в 1938 году он был вновь арестован и скрылся в неизвестности. Жену же его, также как и Соловьеву, интернировали. Позже мы узнали, что её вывезли в Казахстан.

Хочу рассказать один эпизод, оставшийся у меня в памяти. Где-то около четырех часов утра 22 июня 41г. у нас раздался звонок в дверь. В то время этот звонок мог означать многое. Папа открыл дверь. На пороге стояла Шарлотта Августовна. Она отвела папу на кухню, что то ему сказала и ушла. Помню, что папа сказал ей, что этого не может быть. Когда мы его спросили, что случилось, он нам сказал, что Шарлотта слушала речь Гитлера, который сообщил о начале войны с СССР. Папа нас предупредил, чтобы мы никому не говорили об этом, а слушали радио, и днем мы услышали то, о чём говорила Шарлотта.

В 93 квартире жил Рональд Фишзон, он был отчаянным парнем. Году в 1940 он поступил в авиационную спецшколу, но во время войны воевал в пехоте. Был много раз ранен. Вернулся с большим числом наград. Кем он потом работал я не знаю, знаю лишь что под конец жизни он был директором турбазы на Памире.

В конце 1944 или в начале 1945 г. в 22 квартиру, в которой до 1941 г. жил Шейнинг (он был интернирован) вселилась семья Карпухиных. Мария Петровна – мама, прекрасная хлебосольная женщина, её сын Толя и дочь Зоя. Она была очень активной девочкой и быстро вошла в наш коллектив, также как и Лиля Бирюкова. В последствии она вышла замуж за нашего товарища – Володю Литвинова. Сейчас Зоя

Фёдоровна Литвинова пррабушка и пытается воспитывать правнучку.

Ну вот я попытался вспомнить про наш дом и некоторых его жильцов, а теперь вспомним, что мы делали и чем занимались.

Безусловно, события, которые происходили в стране и в мире, мы без внимания оставить не могли. Мы были папанинцами, воевали с фашистами в Испании, летали с Чкаловым через Северный полюс, воевали на Хасане и протягивали руку братской дружбы жителям республик Прибалтики, Западной Украины, Белоруссии и Молдавии.

В предвоенные годы мы, как правило, играли в войну. При станции метро «Красные ворота» был книжный магазин, в котором мы покупали книжки, имевшие прямое отношение к Красной Армии. Моей любимой книжкой был «Устав вооружённых сил СССР». В 1936 году мне довелось быть с мамой на Первомайском параде на Красной площади. Всё, что я видел, произвело на меня огромное впечатление, особенно прохождение по площади с винтовками наперевес Пролетарской дивизии. Когда я рассказал ребятам об этом, мы пришли к мнению, что сильнее Пролетарской дивизии никого нет и она победит всех врагов. Тревожное положение, которое было в Мире, мы, естественно, не ощущали. Подошло время поступления в школу. Все мои сверстники поступили в школу в нашем районе, а меня записали мои родители в образцовую школу в другом районе, в котором работала моя мама. Мне приходилось туда ездить на трамвае, остановка которого была в конце скверика, где сейчас памятник

Лермонтову. Я очень не любил туда ездить и всегда искал причину, чтобы прогулять.

А во дворе в подвалах почему-то начали строить бомбоубежища. Началась финская война. Она мне запомнилась двумя моментами. В моей образцовой школе развернули госпиталь, а нас перевели в далёкую школу да к тому же мы учились в третьей смене. Начинали в четыре и кончали в семь. Это было очень неприятно. Но второй момент был приятным. В том году была очень суровая зима и временами были сильные морозы. В такие дни школа была закрыта, а гулять во дворе нам никто не препятствовал, что мы с удовольствием и делали.

В мае 1941 года Слава Линский, Вайола Кофман, Лиана Яхнина и я закончили пять классов. Начался дачный сезон и многие дети разъехались. А мы в этом году дачу не снимали, так как болела моя тётя и ехать нам было не с кем.

Я прекрасно помню день начала войны. Это был солнечный воскресный день. По улицам, как всегда, ездили машины, трамваи, троллейбусы. Ходили люди. А в двенадцать часов по радио Молотов объявил, что началась война.

Во дворе дома стали собираться группами мужчины. Они были взволнованы, а мы думали, что они волнуются, ведь у нас есть Пролетарская дивизия, самая сильная в мире.

На другой день наиболее старших из нас собрал домоуправ и повел всех на чердак. Наша задача заключалась в том, чтобы собрать весь хлам и отнести его к дверям. Взрослые забирали эти вещи и выносили их на улицу. Потом нам

дали вёдра не то с известью, не то с мелом и кисти и вели красить деревянные балки. Мы всем этим были очень довольны. А домашние стали наклеивать на стекла крест-накрест бумажные ленты. Нам объяснили, что при взрыве бомбы это может сохранить стёкла.

Папа дома на стену повесил большую карту и чёрными и красными флагами отмечал ход боевых действий. Я удивлялся, Пролетарская дивизия отступала.

В один из дней поступило распоряжение сдать радиоприёмники и фотоаппараты, что мы и сделали.

Большую часть времени я проводил с ребятами на улице. Разнёсся слух, что около метро стоит Каганович. Мы побежали смотреть. Одет он был в форму железнодорожника и что-то говорил окружавшим его мужчинам, а затем с частью из них пошел в НКПС (Народный комиссариат путей сообщения), а мы сопровождали его. В последующие дни мы бегали на Чистые пруды. Часть деревьев там срубили, были вырыты окопы, в которых стояли зенитные пушки и пулемёты, а среди них ходили девушки в военной форме.

В городе была объявлена светомаскировка. Вечером не горели фонари, машины ездили с затемнёнными фарами, а в квартирах окна закрывались чем-либо черным. По улицам ходили дежурные с противогазами на боку и очень следили за соблюдением светомаскировки. Но было лето, июнь, и на улице было светло.

Я уже не помню какое это было число, но был или глубокий вечер, или ночь, когда завыли сирены. Воздушная тревога. Папа оставался дома, а мы с сестрой пошли в метро, хо-

тя в доме было два бомбоубежища. Очень неприятным былвой сирены, ещё и потому, что мы не знали настоящая это тревога или учебная. В метро почему-то нам пришлось спуститься на рельсы. Было очень грязно и душно. Плакали дети. Никто не знал, что делается наверху. Примерно через час был объявлен отбой и мы узнали, что тревога была учебной.

Мне лично очень досаждала школа, в которой я учился. Оттуда звонили нам домой, приходили и требовали, чтобы меня эвакуировали. Я отчаянно сопротивлялся и пока оставался дома.

Обстановка в городе становилась тревожной. Учреждения, которые располагались в нашем доме, эвакуировались. Сводки с фронтов были плохие. Учебные воздушные тревоги повторялись ещё несколько раз.

Но вот 22 июля, ровно через месяц после начала войны, ночью вновь завыли сирены. Мы подумали, что это опять учебная тревога. Но не успел ещё диктор закончить фразу: «Граждане, воздушная тревога» как посыпались пулеметные выстрелы, а небо располосовали лучи прожекторов. Мы быстро побежали в бомбоубежище. После отбоя я со старшими ребятами пошел на Чистые пруды. Там девушки возились около пулеметов. На наши вопросы они не отвечали и велели идти домой. Кто-то сказал, что в районе вокзалов есть разрушения и взрослые ребята пошли туда, а я вернулся домой. Дома папа, он тоже был очень возбужден, рассказывал, что они действительно видели с крыши пламя в районе вокзалов, но наиболее сильные пожары были где-то в районе Серпуховки.

На следующую ночь или через ночь, я точно не помню, вновь была объявлена тревога. Я упросил папу, чтобы он взял меня на чердак. Там я встал под балкой у слухового окна. Стрельба и взрывы были довольно сильные. Было впечатление, что горит весь город. Взрослые говорили, что это горит лакокрасочный завод на Пресне. На крышу сыпалось большое количество осколков, некоторые из них пробивали железо и падали на чердак. Мужчины стояли под балками и прикрывали головы лопатами. Папа велел мне спуститься в убежище, вход в которое был около нашего подъезда. Я вышел во двор и перебежал в свой подъезд. Мне не хотелось спускаться в убежище и я остался стоять у дверей. Но в это время раздался такой силы взрыв, что мне показалось, будто дом подпрыгнул. Меня отбросило к одной стене, потом к другой и ... я не помню, как оказался в убежище. Меня спросили, что произошло снаружи и я ответил, что где-то близко от нас что-то взорвалось. После отбоя, дома папа сказал, что был очень сильный налёт, в городе много пожаров и где-то недалеко от нас взорвалась крупная бомба. Уже будучи юношой, из книги В. Лациса «Буря» я узнал, что по наводке немецкий лётчик сбросил бомбу большой мощности на здание Представительства Латвии, где в это время находилось всё Правительство республики. Это было на улице Чаплыгина, действительно довольно близко от нас.

Двор постепенно пустел, детей, практически, никого не осталось. И вот пятого августа бабушка, тетя, двоюродный брат и я отправились в эвакуацию. Уезжать мне не хо-

телось, но постоянные водушные тревоги и днём, и ночью, сделали своё дело.

Первый день нашего отъезда, а ехали мы в теплушках, озабочивался неприятным эпизодом. К вечеру мы прибыли в Рязань. Наш эшелон остановился между воинским эшелоном, идущим на запад, и санитарным поездом, идущим на восток. Мы впервые увидели раненых. Вдруг раздался сигнал воздушной тревоги, а через некоторое время начали стрелять зенитки. Оба эшелона ушли по своим направлениям, а мы остались. У меня появилось такое чувство, что нас бросили. Через некоторое время всё закончилось и я успокоился. Последующий наш путь проходил без происшествий, если не считать, что я чуть не отстал от эшелона в Куйбышеве.

На пятые сутки мы прибыли на станцию Раевская Башкирской АССР. Эшелон разгрузили. Куда нас повезут дальше никто не знал. Кругом стояло много подвод. Нас посадили на одну из них и сказали, что мы едем в деревню Райны. Это недалеко – 60 км. Где-то ближе к вечеру нас и ещё четыре семьи привезли в эту деревню. Меня поразило, что крыши всех домов покрыты соломой, а не железом. К нашей подводе подошел мужчина и сказал чтобы мы ехали за ним. Вскоре мы подъехали к дому, из которого вышла молодая женщина и стала что-то говорить на непонятном языке. По её жестам мы поняли, что здесь мы будем жить. Дом был большой, но и семья у этой женщины была большая и конечно было тесно.

Через некоторое время мы с тётей нашли другой дом, где практически были одни. Его хозяйка, пожилая женщина Фатима-оби, жила на хуторе и приходила в дом редко.

Единственная сложность для нас заключалась в том, что заготавливать дрова мы должны были сами. В отличие от других домов деревни, крыша у нашего дома была драночная, а не соломенная и, кроме того, он был огорожен деревянным забором, а не плетнём. Со стороны улицы у забора лежал большой камень, на котором мы любили сидеть. Хочу сделать небольшое отступление. В 1971 году, т.е. через тридцать лет после эвакуации, мне довелось посетить эту деревню. Деревня всегда была очень большой, а сейчас это стал просто агрогород. Большинство домов уже имело железные крыши, имелось электричество и радио, чего раньше не было. Единственно, что осталось неизменным, это непролазная грязь на улице. Так вот, я стал искать дом, в котором мы жили. Дома не было. Оказывается он сгорел, но я узнал камень. Какой же он оказался маленький.

Единственным работником на первых порах был я. Это дало мне возможность научиться запрягать лошадь, косить траву, работать на сенокосилке, копать картофель, воровать на бахче арбузы, а на поле подсолнухи, но это было всё несколько позже.

В мои обязанности по дому входила доставка воды и я научился носить вёдра на коромысле, пилка и рубка дров, а также растапливание печи. Поначалу не всё получалось, но потом я освоился. Нам сказали, что Правление колхоза выдает эвакуированным муку. Нашей семье полагалось 20 килограмм, и за ней нужно было идти на другой конец деревни на склад. Сколько это 20 кг, ни мои родичи, ни тем более я, не представляли. Надо отметить, что я был довольно сла-

беньким, не высокого роста, мальчиком. Мне дома дали наволочку и я отправился за мукой. Я уже говорил выше, что грязь на улице была непролазной, и ходить по этой дороге было сложно даже без груза. На складе мне взвесили муку и помогли взвалить наволочку на плечи. Пошатываясь я вышел на улицу и через пару шагов мешок у меня свалился. Поднять его я не мог, а только переставлял шага на два. Я не знал, что мне делать, но ко мне подошла женщина и стала что-то говорить мне по татарски. Язык я, естественно, не знал, но понял, что она велит мне оставаться на месте и никуда не уходить. Она ушла и скоро вернулась с тележкой, помогла мне положить на неё наволочку с мукой и мы поехали. Через какое то время она показала мне дом. Я понял, что она здесь живет и сюда нужно вернуть тележку, что я и сделал. После этого я понял, что такое 20 кг. Я не буду описывать как мы жили в эвакуации – это тема отдельного повествования, скажу лишь одно, основной нашей пищей была картошка. Однажды с ребятами я охотился на голубей и нескольких принёс домой. В этот день мы ели голубиный суп.

В конце октября 1941 г. к нам приехали из Москвы папа, сестра и папин брат. Мужчины пошли работать и жить нам стало полегче.

В начале 1942 г. к нам из госпиталя приехал папин младший брат. У него была тяжелейшая контузия и он долго лежал в Свердловске в госпитале. В конечном счёте он был признан негодным к службе в армии. По состоянию здоровья в колхозе он тоже работать не мог. Через некоторое время они с папой решили вернуться в Москву, но папу не

пропустили и он возвратился к нам. Где-то в апреле 1943 г. Папа съездил в Уфу и ему удалось устроиться там на работу. Он вернулся за мной и пятого мая, эту дату я очень хорошо запомнил, мы приехали в Уфу. У папы уже были продовольственные карточки и около вокзала мы их «отоварили» как тогда говорили, купив пять килограмм хлеба. Пока мы дошли от вокзала до дома, где нам предстояло жить, хлеба у нас уже не было.

Я уже упоминал, что передвойной я закончил пять классов. В деревне я не учился, так как там была только четырехлетка, да и та на татарском языке, поэтому я пропустил два года. В Уфе я пошел учиться в шестой класс. От школы я отвык и мне было несколько трудновато, однако учился я неплохо.

В январе мы получили пропуск и вернулись в Москву. Мы приехали как раз в период школьных каникул, меня записали в 310 школу и десятого января я пошёл учиться. Школа была только для мальчиков, сколько нас было в классе я не помню. Первый день ознаменовался для меня двумя событиями. Мы писали диктант и к моему удивлению и ужасу я сделал тринадцать ошибок, причём одна была нелепее другой. Из всех ребят в классе мне запомнился один. Он был очень активный, гонялся за кем-то по классу и в конце концов с учительского стола сбросил чернильницу на пол, которая, естественно, разбилась. Пришла учительница, вызвала директора по кличке «Бегемот» (он был очень толстый). Естественно первым вопросом был : «кто это сделал?» Ответа не последовало. Тогда директор сказал: «Будете сидеть

до тех пор, пока не сознаетесь. Принесите им ведро, – сказал он няньке, – и заприте дверь класса». Всё было выполнено. Сознаваться никто не собирался и все были рады, что занятий не будет. А с мальчиком, который разбил чернильницу, я подружился, его звали Володя Литвинов.

Стало темнеть, мы зажгли свет в классе и потянулись к ведру. Стали появляться родители. Наконец пришли и за мной, а за Володей никто не приходил. Позже я узнал, что через некоторое время всех оставшихся директор отпустил.

А во дворе было уже много ребят и мы практически все учились в одной школе. И девочки тоже учились все вместе. Среди мальчиков появился новенький – Боря Коваль и присоединился Серёжа Дивильковский.

Мне запомнился один эпизод, относящийся к этому времени. В начале июня 1944 г. по Москве должны были привести пленных немцев. Как назло, в этот день утром у нас был экзамен по алгебре. Но мне было не до алгебры, мне очень хотелось посмотреть на немцев. Экзамен был устным и что я там наболтал, не помню. Но получив оценку, тут же побежал на Садовое кольцо. Немцев я не пропустил.

Нашим ребячым увлечением в это время был футбол. Рядом с нашим домом находилась довольно приличная площадка, которую по чьей-то хорошей идее назвали Папанин-бридж. Причин для названия было две. Говорили, что в доме, где была эта площадка, жил Папанин, а слово бридж было присвоено потому, что команда московского «Динамо» совершила триумфальное турне по Англии. Так вот этот Папанин-бридж на многие годы стал для нас центром притяже-

ния. Кроме того, мы выезжали играть в футбол и за город. Чаще всего в Большево. Противниками нашими были ребята из соседнего дома, У них было два очень сильных игрока – Володя Епишин и Коля Фролов. Кто был ещё в их команде я не помню, но честно признаюсь – они играли лучше нас. И мне как вратарю это было особенно известно.

С девочками у нас в это время особых контактов не было.

Я уже упоминал, что в доме был Красный уголок. Практически каждый вечер мы там собирались, играли в биллиард или просто дурачились. Но мы становились старше. Появился патефон, стали приходить девочки. Я притащил из дома флирт и началась переписка. Почему-то на память приходит такая сентенция:

«Лютик: Маргаритка, вы мне нравитесь! И следует ответ: Все мужчины крокодилы!» А чуть позже мы уже стали собираться у Аллочки Пивень или у Люции Фроловой дома. Традиционной едой был винегрет. Не обходилось и без выпивки. Любимое вино – три семерки.

Следует отметить, что мы жили достаточно свободной жизнью. Родителям было как то не до нас. Но мне хотелось бы подчеркнуть, что ничего предосудительного мы себе не позволяли.

Кому первому в голову пришла мысль об объединении всех нас, проживающих в разных домах в «Союз», я не помню. Мне кажется, что Игорю Петрову, но как бы то ни было, в 1947 году был создан Союз Соединенных Домов – ССД. Тайным голосованием (по моему голосовали одни мальчи-

ки) был избран Президент – Сергей Иванович Дивильковский, Председатель Совета Министров, он же Министр финансов – Олег Алексеевич Гриневский и Министры: Министр Вооружённых сил – Борис Иосифович Коваль, Министр внутренних дел – Александр Александрович Штернберг, Прокурор – Владимир Матвеевич Литвинов, Министр Кинематографии, он же редактор журнала «Вундеркинд» – Виктор Борисович Прейс. Кроме того, у нас был свой собственный Патриарх и по совместительству Муллейшний, Буддийший и Раввинейший – Игорь Михайлович Петров. Все остальные были граждане ССД, только лишь Зоя Фёдоровна Карпухина присвоила себе звание женделегатки от второго подъезда.

Одновременно с образованием ССД стал выходить журнал «Вундеркинд». Когда я сейчас просматриваю его меня поражают две вещи. Во-первых, жуткое количество грамматических ошибок (а ведь я был его редактором под фамилией Кебзак), и, во-вторых, то, что мы там писали, по тем временам тянуло на 58 статью УПК. И хотя прямой антисоветчины не было, но многие вещи преподносились как пародия, как насмешка над действительностью. Однако мы, в силу своей дурости, над этим не задумывались.

Итак, в 1947 году было создано Государство, объединившее значительное число мальчиков и девочек со всей округи. Например, Томочка Зайцева жила на Чистых Прудах, а Миша Стояновский на Сретенке.

Как и положено Государству, мы имели свой Гимн. Автором его был Игорь Петров, а музыка была взята из модного

тогда кинофильма «Девушка моей мечты». Ниже я привожу слова Гимна:

*Славься, славься государство наше.
Самая прекрасная Страна,
Ты всех стран сильней, могуче, краше.
Круглый год в тебе стоит весна.*

*Славься, славься ССД вовеки.
Демократия в тебе сильна!
Здесь живут свободно люди!
Круглый год в тебе стоит весна.*

*В ССД вся власть в руках народа.
Много в нём закусок и вина.
В ССД господствует свобода!
В ССД всегда стоит весна!*

Конечно, то, что писалось в журнале, было очень наивным. Но журнал ждали и читали с удовольствием. С моей точки зрения, были и хорошие стихи и рассказы. Одним из таких стихотворений было стихотворение, написанное Сергеем Дивильковским под псевдонимом С. Тютюн-Брдзиевский. Я привожу его с некоторым сокращением. Называлось оно «Московские рынки».

*Трубная площадь. Центральный базар,
Скверик, трамваи, милиция.*

*Шум деловой. Цветной бульвар.
Вопли обманутых. Жизнь многолицая.
Был я в Берлине, гулял по аллее
Unter den Linden – красиво! Картинка!
Но об одном я серьезно жалею.
Нету в Берлине хорошего рынка.
Наши бы московский немецкий рынок
Взять бы, да к немцам в логово.
Да, а то что это? Как ботинок
Для человека безногого.
Эх, вот Москва! Исторический запах.
Преображенка. Дух истории.
Будто в Петровых огромных латах
Две столицы из-за рынка спорили.
Стой и любуйся! Год ли, час ли,
Минуту стой или две.
Как вы, не знаю, а я лично счастлив,
Что проживаю в Москве!*

Журнал мы издавали ровно год, а потом вынуждены были прекратить. Причина тому была следующая. Двенадцатый номер журнала мы принесли в школу на вечер и там его либо потеряли, либо его кто-то специально передал директору. В разгар вечера меня вызвали к нему в кабинет. Там сидело довольно много учителей. Меня спросили, наш ли это журнал. Я ответил утвердительно, поскольку там были наши имена и фамилии. Должен сделать небольшое отступление.

Учился я слабо, моими основными оценками были тройки.

Директор мне сказал:

Виктор! Лучше потрать твои мысли и фантазию на учебу, а не на журнал.

Конечно этот разговор был мне неприятен, тем более, что моя биография была подмоченной. После этого выпуск журнала прекратился.

Однако у Олега Гриневского есть другая версия, будто пионервожатая из школы Аня Кулагина вызвала его и сказала, что надо кончать это дело, иначе могут быть большие неприятности. Он нам сказал об этом и мы перестали выпускать журнал. Я лично такого факта не помню.

Пережили мы и ещё один неприятный момент. Но Все по порядку. Наш очередной домоуправ – Александра Никитична со своей дочкой жила в Красном уголке. Она не очень препятствовала нам, когда мы там находились. В том же Красном уголке на тумбе стоял бюст Сталина. В один из вечеров мы уж очень расшумелись и разбегались и кто-то зацепил эту тумбу, она закачалась. Мы остолбенели. Вдруг бюст вождя, а он был гипсовый и покрашен под бронзу, упал на пол и с жутким грохотом разбился. Из своей комнаты выскочила Александра Никитична, увидела это дело и полушёпотом нам сказала:

Всё на задний двор и в пыль.

Мы выполнили её распоряжение и всё, что было ранее Вождём, превратили в пыль.

Но не всегда наши отношения с Александрой Никитичной были ровными. Иногда мы ей надоедали и она выгоняла

нас, запирая изнутри дверь. В один из таких эпизодов, она нас всех выгнала, но Камека (Ира Каменская) спряталась, через некоторое время открыла нам дверь и мы снова захватили Красный уголок. По этому поводу Сергей написал балладу: «О взятии Красного уголка». Кроме всего, там были такие слова:

А главная осады героиня, храбрее не сыскать нам человека, зволось она де Лякруа – графиня, а попросту, по нашему, Камека!

Так вот о Камеке. Настало такое время, когда мы стали обращать внимание на девочек, а они на нас. Меня любила Люция, Шурик любил Ксену, а Боря Таню Меньшикову. Но наши отношения были очень чистыми. А Камека страстно любила Володю Литвинова. Но это не мешало ей утверждать, что она никогда не поцелуется с мальчиком. Но к нашему изумлению (девочкам наверное это было известно) первая вышла замуж. Но самое примечательное в другом. На утро после первой брачной ночи, она в красивом, по моему в голубоватом, платье, выбежала во двор, стала бегать и кричать «Я женщина, я женщина !» Это было очень забавно.

Уже здесь, в Америке, я связался с ней и предложил тоже написать свои воспоминания, но она отказалась, ссылаясь на занятость. Но в то же время рассказала мне, что когда она вышла замуж и в дневное время занималась с Сеней любовью, со двора неслись крики: «Зоя - штандер, Игорь - штандер», но это их не отвлекало.

А потом мы закончили школу, практически все поступили в институты и на этом наше отрочество закончилось. Какое то время ССД существовал лишь номинально. Иногда небольшими группами мы собирались, но массовых сборов не было.

А через 40 лет мы собрали весь ССД. В гостинице «Интурист» был устроен банкет и выпущен юбилейный номер Вундеркинда. После этого вечера периодически мы стали собираться, чаще всего у Люции. Это были приятные вечера.

А жизнь шла своим чередом. Уехали в Америку Камека, Лиля с Шуриком и я с Галей. Миша Медников уехал в Израиль

К сожалению, появились у нас и потери. Первой ушла от нас самая молодая – Аллочка Пивень, потом Воля Голубев и Миша Стояновский, а недавно и Шурик Штернберг – светлая им всем память.

Содержание

Предисловие	3
Дворовые компании	11
VIP	34
Приложение I	38
Из «Вундеркинда» №1. 1947г.	38
Из «Вундеркинда» №2. 1947г.	39
Из «Вундеркинда» юбилейного. 1987г.	52
Приложение II. Из воспоминаний О. А. Гриневского	66
Приложение III. Из воспоминаний М. В. Миникса	79
Приложение IV. Из воспоминаний С. Л. Кор- чиковой (Клейн) и др.	83
Приложение V. Из воспоминаний Э. И. Певзнер	86
Приложение VI. Нерасшифрованные фото	95
Приложение VII. Из официальных источников	97
Приложение VIII. Из воспоминаний В.Б. Прейса	105